

Старинные люди у холодного океана

Русское Устье Якутской области Верхоянского округа

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Географические условия
- II. Прошлое Русского Устья
- III. Хозяйство
- IV. Промыслы
- V. Пища
- VI. Общественная жизнь
- VII. Характер. Нравы. Обычай
- VIII. Верования
- IX. Особенности языка
- X. Песни
- XI. Обряды
- XII. Список населенных мест по Индигирке

Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда

I. Географические условия

Находится Русское Устье на крайнем севере Восточной Сибири, на реке Индигирке, в 80-ти верстах от Ледовитого океана; точное географическое положение этого места — $71^{\circ} 1'$ северной широты $149^{\circ} 26'$ восточной долготы¹. Оно почти на два с половиной градуса севернее Нижне-Колымска, на несколько минут севернее Усть-Янска и лежит на пределе человеческого жительство вообще — дальше идет ледяная пустыня Северного океана.

Местность тундряная, сильно болотистая, с массой озер, протоков и речек. Растущий кое-где по тундре тальник (кустарники ивы) редко поднимается над землей выше полуаршина, верстах в 30-ти от Русского Устья к северу пропадает вовсе, но верстах в 60-ти к югу становится гуще и выше — до сажени. В 60—70-ти верстах от Русского Устья к югу Индигирку пересекает каменистая возвышенность, которая грядой идет от р. Яны к Колыме в восточном или северо-восточном направлении. Южнее «камня» начинается лес.

¹ В качестве административно-ссылного мне пришлось прожить в Русском Устье с января по ноябрь 1912 года; ранее ссылка политических в это место не практиковалась.

Рис. 1 В Русском Устье в полночь

Зимой здесь часты жестокие пурги, во время которых снег может засыпать дом — выходить в это время на улицу не безопасно; после таких пург приходится откапываться из-под снега, как из-под обвала. Зимняя обстановка очень печальна — кругом, куда ни взглянешь, беспредельная снежная пустыня, на которой скоро устают глаза, а самый поселок, с несколькими полузасы-

панскими домами, со стороны еле заметен. Летом с крыши дома видны всюду бесчисленные заливные озера и болота (лайды и бадараны), оттаявшая на какие-нибудь пол-аршина тундра никогда не просыхает, и круглое лето вода стоит даже между домами; самое селение в это время пустует, так как все жители разбредаются на лето по рыболовным пескам, возле которых живут со своими семьями в построенных там землянках (ураса́х).

Благодаря близости моря зимы в Русском Устье мягче, чем в Верхоянске и даже Якутске — 50° по Цельсию морозы достигают редко (в Верхоянске доходят до -70°); летом выпадают дни с температурой до 30° тепла, но вместе с тем редкое лето проходит без заморозков и снега. Что касается средней годовой температуры, то, по сравнению со всеми остальными пунктами Северо-Восточной Сибири, где когда-либо производились правильные метеорологические наблюдения, — Русское Устье имеет самую низкую.

Лето здесь очень коротко: вскрывается Индигирка в последних числах мая — первых июня, замерзает — в середине сентября. Последний снег сходит с тундры в первой половине июня, в августе высыпает свежий. И зиму, и лето часты сильные ветра — зимой они приносят пургу, летом — поднимают на реке и озерах высокие валы, — и в том и в другом случае они заставляют

Рис. 2 В Русском Устье: вид на часовню

сидеть дома, так как единственными способами передвижения являются: зимой — собаки, летом — «ветка» (маленький одновесельный челн).

13-го ноября солнце сходит с горизонта и снова появляется 6-го января; с конца ноября до середины декабря — самое темное и тоскливое время в году: сумеречный день длится всего лишь 2–3 часа. Зато летом оно светит день и

ночь почти целых три месяца: 28-го апреля в полночь уже можно было видеть на севере край солнца, закатываться же оно начинает 20-го июля.

II. Прошлое Русского Устья

Верхоянские мещане, насчитывающие в настоящее время (лето 1912 г.) всего 464 души (мужчины, женщины, дети) заселяют нижнее течение р. Индигирки, впадающей под 71° широты в Ледовитый океан. Они заселяют эту реку, начиная с 69° с.ш. (с. Полоусное и Ожогоино), до самого моря, живут по трём рукавам её, которыми Индигирка впадает в океан, и отчасти доходят до р. Алазеи — на востоке 250 вёрст от Индигирки; между крайними селениями считают приблизительно 500 вёрст по реке. Этот клин, обращенный основанием к морю и занятый русским населением, врезался в толщу сплошного инородческого населения — якутов, юкагиров («каменных» и «тундряных»), ламутов, тунгусов и чукчей. Русские образуют верхоянское мещанское общество со своими управой и старостой, живущим в Русском Устье. Поселков всего насчитывается 30 с 55 «дымами» (от 1 до 6 «дымов» в каждом). По сохранившемуся от стариков преданию, предки здешних мещан были выходцами из России. Спасаясь от тягостей ратной службы¹, жители разных городов еще при Иване Грозном² на ботах и кочах вышли из России морем и двинулись на восток, где и осели в устье реки Индигирки среди инородцев, назвав свой первый поселок «Русским Устьем» (или «Русским Жилом»). Здесь были выходцы из Астрахани (Шелуховские), из Вятки, Великого Устюга, были зыряне (Чихачевы). Целое столетие прожили они здесь

Рис. 3. Мой домик

безвестные и никем не тревожимые и только при Алексее Михайловиче (40-е годы XVII ст.) на них наткнулись русские казаки, двинувшиеся из Якутска к Колыме в поисках за новой «землицей» и ясаком.

Только так можно понять те смутные легендарные рассказы, которые ещё теперь сохранились на Индигирке среди русских.

¹ Интересно, что о предках коренной усть-янской фамилии Санниковых тоже рассказывают в с. Казачьем (Усть-Янск), что они в старину бежали из России от ратной службы. Быть может, осевшие на р. Яне были лишь частью беглецов, двинувшихся с родины на неизвестный восток?

² Быть может, правильнее было бы отнести это переселение к временам Алексея Михайловича, когда бегство крестьян от внутреннего настроения в государстве и народного разорения на севере России и в Сибири приняло такие колоссальные размеры. От «горя-злосчастья» не мог укрыться народ «ни в чистом поле, ни в лесах темных, ни в синем море». Но местное предание говорит не об Алексее Михайловиче, а о Грозном — быть может, потому лишь, что облик Грозного царя сильнее поразил народное воображение.

Вот, например, что рассказывал мне о прошлом старик Егор Голыжинский (из Косухина, близ моря):

«Слышал я от старых, совсем старых людей, что ране река была вовсе юкагирская. Собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем — от удушья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий, дед мой был дворянин, и грамота у него была с золотыми буквами, да мальчишка изорвал. Как платить стал комиссару подати, в мещане записали. А сначала-то и вовсе ничего не платили. Узнали, наконец, про них и в России,

Рис. 4. Мой домик - с другой стороны

царь прислал комиссаров подати собирать, — а подать была четвертак чистый, двадцать пять копеек. Дальше, больше — и обжились люди. Была ревизия — приехали сюда, фамилии искали, — ты из Воронцовской губернии, будешь Воронцовский, из Галуги — Галугинский. Позднее наши в России услышали, тоже поехали — семь человек; те — морем, эти — рекой

сверху, тоже на лодках, да возле яру все и помёрзли. Юкагиры их нашли — все семеро так под одним одеялом и лежат».

Много косвенных данных подтверждают, по-видимому, предание в той его части, где говорится, что предки теперешних верхоянских мещан пришли из России северным морским путем, а не обычным путем через Якутск, как вообще все русское население Якутской области. На это указывают старинные особенности языка (XVI–XVII вв.) и многие сохранившиеся русские обычаи, давно исчезнувшие среди остального русского населения области, их песни и былины, *а главное – их необыкновенная национальная устойчивость.*

На Индигирке русские живут столетия — живут окружённые сплошным кольцом из якутов, юкагиров, ламутов, тунгусов, чукчей, — и тем не менее они сумели сохранить русский тип лица, русский язык, русские обычаи. Больше того — всюду в Якутской области русское население очень сильно подчиняется якутскому влиянию, перенимает язык и обычаи якутов, — на Индигирке русские очень редко рождаются с инородцами и — явление в Якутской области совершенно исключительное! — *подчиняют инородцев русскому влиянию*, заставляя якутов, юкагиров и даже чукчей говорить по-русски, передавая им русские обычаи, русскую одежду. Эта устойчивость

национального типа, выражающаяся не только во внешних проявлениях¹, но и в характере (осторожность, расчетливость, медлительность, консерватизм), в связи с огромной оторванностью этого уголка от русской жизни, даже в сущности от русской Сибири, наложили на индигирцев много самобытных особенностей. Ведь ближайшими русскими селениями от Индигирки являются с. Казачье (Усть-Янск) в 700 верст и Нижне-Колымск — 600–700 верст, где, кстати сказать, очень сильно якутское влияние. Из ныне живущих на Индигирке верхоянских мещан *никто* дальше этих двух пунктов не был, а на юг никто не поднимался выше Абыя (700 верст от Русского Устья). Верхоянск, Якутск кажутся здешним жителям где-то на краю света, а Иркутск, Москва, Петербург звучат для них почти так же загадочно, как для нас названия планет — Марс, Юпитер... Когда я рассказывал русско-устинцам о столичной жизни, о городах, в каждом из которых живет больше народа, чем русских, якутов и юкагиров во всей Якутской области вместе взятых, о домах, поставленных один на другой, об улицах, железных дорогах, — они слушали с недоумением, почти недоверчивостью и свои чувства выражали всегда одним и тем же восклицанием: «мудрёна Русь!»

Рис. 5. Старик Шелоховский

Что касается почтовых станций, то в сущности почты здесь совсем нет; правда, из Верхоянска (от окружного исправника) и Якутска (из областного правления) иной год бумаги приходили с нарочными даже четыре раза в зиму (с 1 мая по октябрь край совершенно отрезан от остального мира болотами), но это случается лишь при крайней необходимости. Ответ на бумагу староста (или вернее писарь, т.к. кроме писаря грамотных во всем обществе нет) получал из Якутска через 1–1½ года. Вернее можно получить и отправить почту с частной оказией через якутских купцов, живущих в Усть-Янске, с которыми сношения могут быть осенью и весной.

При мне в Русском Устье было получено письмо из Киева, отправленное через официальную почту: оно пришло через 13 месяцев после того, как было опущено в киевский почтовый ящик!

¹ К этим внешним проявлениям нужно, между прочим, отнести то, что индигирские мещане живут преимущественно в русских рубленых избах и только с большой неохотой (когда не хватает строительного материала или рабочих рук) ставят себе якутские земляные юрты; наоборот, рубленых изб у якутов мне не приходилось видеть вовсе.

Что касается истории заселения Индигирки русскими, то мною найдены в русско-устинском архиве¹ интересные данные. В 1831 году в «Комиссию о переобложении инородцев ясаком» поступила от индигирских якутов жалоба на русских, захвативших по реке лучшие рыболовные места и расставивших «по лицу тундры» песцовые ловушки. В этой жалобе якуты указывали, что их предки издавна имели кочевья около берегов Ледовитого моря при реках Индигирке, Елони, Гусиной, Хроме и Аллаихе, что лишь позднее (но до 1763 года) «заселились к ним несколько русских семейств мещан упраздненного города Зашиверска и Якутска», которые «дошли до такой степени свободы, что, оставив свое жительство, расселились по разным местам, инородцам принадлежащим», — на основании давности своего заселения якуты просили выселить русских с занимаемых ими мест. Начальство (из Иркутска, т.е. за 6.000 верст), не разобрав обстоятельств дела, ходатайство это уважило и предписало мещан выселить «незамедлительно и не принимая во внимание никаких отговорок». С таким быстрым решением не могли примириться русские индигирцы, и началась длинная и упорная борьба — главным образом бумажная, борьба, не закончившаяся и в 1840 г. (этим годом обрываются бумаги, относящиеся к этому делу). Они выдали несколько подписок о согласии на переселение, но из года в год откладывали его под разными предложениями. Они отказывались от звания мещан и просили переписать их в

Рис. 6. Весна в Русском Устье

крестьянское сословие, наивно надеясь умиловить этой жертвой грозное начальство, отправили своего старосту в Иркутск (эта поездка, между прочим, на которую были собраны деньги со всего общества, оказалась бесполезной, т.к. доверенность на имя старосты была составлена неправильно), составляли даже прошение на Высочайшее Имя, отчаявшись во всех испробованных

¹ Нельзя не пожалеть о гибнущих по далеким северным местечкам Сибири архивах. Особенно велик Усть-Янский архив (в с. Казачьем), где хранятся бумаги с 1743 года; я заметил в нем много государевых указов Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, правительственные распоряжения времен войны с Наполеоном и пр. Эти бумаги не могут быть лишены исторического — общего и местного — и бытового значения. Многие из них уже сгнили, растрепались, съедены мышами... В верховьях Индигирки в местных церквах (с. Полоусное Мома, Абий) вместе с церковными архивами свалены бумаги упраздненного города Зашиверска (XVIII в.) — этого загадочного города, дважды вымиравшего и дважды воскресавшего... Сохранились такие архивы в Колымсках и Верхоянске. В ближайшем будущем всем этим архивам предстоит погибель подобно той, которая постигла некоторые архивы Колымского округа, где имелись документы казачьих времен (XVII в.), запечатленные на бересте. Эта береста ушла на растопку печей...

Слышно было, что в 1912 г. якутским губернатором было сделано распоряжение доставить все местные архивы из дальних северных округов в Якутск, — было бы желательно, чтобы ими заинтересовались и получили к ним доступ не одни чиновники областного управления, но и компетентные лица.

средствах. В результате всех усилий им удалось добиться своего — они оставлены были на прежних местах, но конца этой (необычайно любопытной) эпопеи, к сожалению, нет в бумагах.

Перечисляя свои права на нижнее течение р. Индигирки, вот что писали мещане 10 апреля 1831 года в одной из своих многочисленных бумаг на эту тему: «предки наши, деды и отцы, имели жительство по р. Индигирке, на местах Уяндине, Ожогине, Шанском и Русском Устье, но с какого позволения вовсе нам неизвестно; впоследствии времени, опытностью, от старших дознано нами токмо то, что *река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами*, потом предки наши имели постоянное жительство при Шанском poste, тут же земскую избу и молитвенный дом, когда же открылся город Зашиверск, в который не переселяя нас переименованы мы (каков оборот!) мещанами того города». В другой бумаге — «согласии» — от 15 марта 1832 г. говорится, что «постоянное жительство наше с предков, как опытностью от старших известно, более 150 лет», — т.е. до 1682 г. ...

Рис. 7. Весной: лошади

Сначала индигирцы были приписаны к Зашиверску и именовались зашиверскими мещанами, с упразднением этого города их перекрестили в верхоянских.

Благодаря отдаленности края (от Русского Устья до Якутска нужно считать около 3.000 верст или около полутора месяцев сносной оленьей езды!) верхоянские мещане освобождены от отбывания воинской повинности, и эта милость отрезала последнюю нитку, которая могла связывать этот медвежий уголок с жизнью России. Поэтому нет ничего удивительного, например, в том, что здесь никто не знает царского имени и все имеют самое извращенное представление о событиях последнего времени¹. Но зато, начиная с казака Дежнева (1648—1650 гг.) Лаптева (1739 г.), Геденштрома (1809 г.). Анжу—Врангеля (1820–24 гг.), за три столетия Индигирку пересекло немало научных экспедиций, которые в умах и воображении здешних жителей оставляли глубокий след. На памяти живущих теперь было несколько экспедиций (последняя — Волоссовича — в 1909 г.), и «экспедиторские» пользуются здесь

¹ Вот, например, отрывок из разговора с одним русско-устинцем — Ты знаешь, как царя зовут? — «Не-е, не знаю, ведь он новый». — Какой новый — 18 лет царствует! — «Ну я и говорю — новый» — А про войну с японцами слышали? — «Слышали». — Из-за чего же была? — «Сказывают, они больно на нас наседали» — А победил кто? — «Мы победили, русские». — А слышали, что после войны мы им половину Сахалина отдали? —» Ну, вот-вот, из-за Сахалина, сказывают, и война началась». — Как же ты говоришь, что мы победили, а им свою же землю отдали? —» Ну, уж не знаю я этого. Ты знаешь, ты свет видел — а мы что?!»

не малой популярностью. Людям XVI–XVII вв. они показали чудеса науки XX века и внушили индигирцам великое, хотя и совершенно платоническое чувство уважения к науке — их поражало умение ученых людей «считать звезды», «мерять воду», «смотреть в стеклышко». Второй струйкой, которой цивилизация доходила до этого края, были наезды администрации (исправника из Верхоянска, заседателя из Булуна на Лене). Следы того и другого воздействия можно подметить в некоторых словах и выражениях, вошедших уже в употребление. Так, например, «распубликой» называется всякий беспорядок, кутерьма. — «И-и, полон дом гостей — чистая распублика!» Такое толкование заставляет подозревать, что этого слова коснулись полицейские руки; существует далее выражение — «последний молгылкан» (в том же смысле, как у нас употребляется «последний могикан»), при чем уверяют, что «молгылкан» — слово якутское и значит «дикий».

Рис. 8. Летняя ураса

Расселение русских шло, по-видимому, снизу, т.е. с севера, — так, по крайней мере всегда излагают свою историю старики. Едомка, Русское Устье, Елонь, Ожогоино — таков был этот путь. Так, известно, что управа и хлебный магазин были перенесены снизу в Ожогоино (330 верст от Русского Устья вверх по реке, теперь крайний южный пункт жительства верхоянских мещан), позднее — обратно в Русское Устье. При существовании города Зашиверска (вверху реки Индигирки), который был центром управления для всего округа и где жил «зашиверский частный комиссар» (конец XVIII-го, начало XIX-го века), в нем было сосредоточено управление делами верхоянских мещан, которые тогда именовались «зашиверскими мещанами»; с перенесением административного центра для всей округи из Зашиверска в Верхоянск, последний сделался административной резиденцией и для индигирцев, а сами они переименованы в «верхоянских мещан».

Насколько мне известно, Индигирка впервые упоминается в истории в 1639 году. Собиравший на Яне ясак Постник Иванов (Посничко) вместе с 27 товарищами добрался в этом году до «Индигирской реки в Юкагирскую землицу», где нашел «многие неясачные тункусы — ломутки»; «Юкагирская Индигирская земля» названа им «людной», но обозначены в ней только юкагиры¹.

¹ Цит. по книге Серошевского «Якуты», 1896, стр. 221.

Вот что доносил в 40-х годах XVII-го в. Постник Иванов об этом крае: «Будет вперед на Индигирской реке в Юкагирской землице и сто человек служивых людей, то им можно сытым быть рыбою и зверем без хлеба; в Юкагирской землице соболей много; в Индигир-реку многие реки впали, а по всем по тем рекам живут многие пешие и оленные люди, соболя и зверя

Рис. 9. В урасе

всякого много по всем тем рекам и землицам; да у Юкагирских же людей серебро есть, а где они серебро берут, того я не знаю»¹. Судя по тому, что в донесении этом упомянуты соболя, держащиеся лишь в лесистых местах, и серебро, которое могли находить лишь на каменистых возвышенностях, но о котором теперешние индигирцы решительно ничего не знают, можно предположить, что якутские казаки были лишь на среднем и верхнем течении Индигирки, не спускаясь вниз (лес на Индигирке начинается около р. Эрчи — в 260 в. от Русского Устья к югу); не этим ли объясняется молчание о живущих внизу русских, которые, кроме того, и сами рисковали при встрече с казаками попасть в ту самую ратную службу, от которой, быть может, они и бежали так далеко, и потому имели основание укрываться от пришлых земляков; с другой стороны, можно, конечно, предположить, что русско-устинцы появились позднее. Здесь вообще возможно широкое поле для различных догадок...

Появление русских завоевателей на Индигирке вызвало обычные последствия: «В 1645 году на крайнем севере, на реке Индигире, встали Юкагиры, князек Пелева с товарищами, убили русского служилого человека и выхватили своих аманатов, содержащихся в русском Ясачном зимовье. Против них из Якутска служивые люди Горелый и Кутаев, погромили Пелеву, взяли новых аманатов. Но в 1650 году изменили Алазейские Юкагиры, убили двух служивых людей, государеву казну пограбили, по промыслам торговых и промышленных людей многих побили.

Катаев пошел против изменников из Алазейского Ясачного зимовья вверх по реке Алазее и, наконец, отыскал Юкагиров: живут в большом острожке, человек с 200 больших мужиков, которые луком владеют, кроме подростков: олени все собраны в том же острожке. Русские поставили своих два острожка, один в 40, а другой в 20 сажнях от юкагирского. Началась стрельба с обеих сторон: где Юкагиры ранят, там Русские бьют до смерти; потом Русские сделали шесть щитов, выкатили их и начали приготовляться идти за ними на юкагирский острожек. Дикари испугались, увидели, что им не отсидеться, и

¹ С. Соловьев. История России. Т. IX, гл. V.

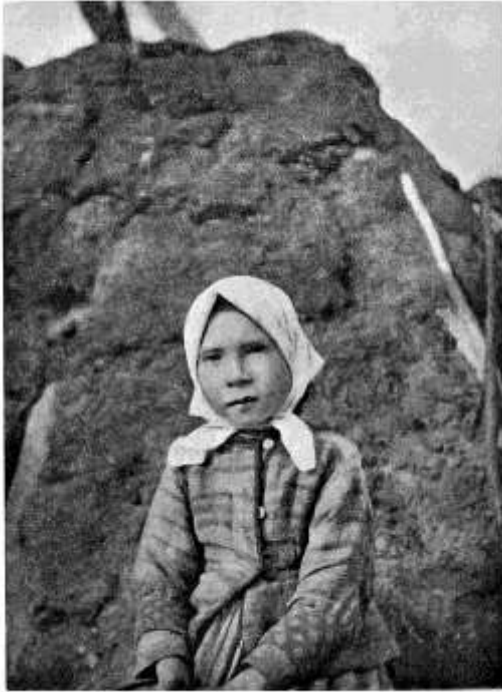

Рис. 10. Как тебя зовут? - Полечка.

начали кричать: «Не убивайте нас, мы дадим аманатов и государев ясак станем платить, а теперь у нас соболей нет, этою осенью мы не промыляли, боялись вас, казаков, жили в острожке», — Русские остановились и взяли в аманаты лучших князьков»¹.

Воевать приходилось не только с юкагирами. «В 1666 г. ламуты осадили русский острожек на Индигирке; осажденные отбились; но дикари не платили целый год ясака. В начале следующего года ламуты, «собрав себе воровское великое собрание, приступили ночью к острожку и начали острожные стены, ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иныя приставили лестницы к

стенам» через амбары. Служилые и промышленные люди бой с ними поставили и убили у них лучших трех человек и многих переранили». — Ламуты испугались, побросали свое оружие и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что «служилых людей в острожке было только пять человек, да промышленных десять; оружия, свинцу и пороху нет, да и взять негде»².

В 1776 г. вышло «Описание обитающих в Российском государстве народов» И.Г. Георги, сделанное по переписи 1750 года; в этом «Описании» говорится, что «по Индигирке, текущей с восточной стороны от Яны и вышедшей из Ледовитаго моря реке, кочует 12 волостей, из которых в самой большой только 95, а в самой малой только 17, вообще же 493 души в них считается. Оне приписаны к Зашиверскому острогу, лежащему вверху при Индигирке, от Якуцка в северо-восточную сторону на 904 версты»³.

Впервые Русское Устье упоминается, по-видимому, в 1739 году. Исследование побережья Ледовитого океана в царствование Анны Иоанновны было поручено «Большой Северной экспедиции», во главе которой стоял капитан-командор Беринг (1734–1741 гг.). Один из участников этой экспедиции лейтенант Дмитрий Лаптев, «выйдя из Лены, прошел вдоль берега, к востоку, до восточного устья Индигирки... Покинув обмерзшее судно против устья Индигирки, отряд перебрался на зимовку в «Русское жило». Тою же осенью матрос Лошкин прошел с описью от устья Индигирки до Алазеи и по Голыжинской протоке⁴ Индигирки, а штурман Щербинин и геодезист

¹ Соловьев. История России. Т. XII, гл. V.

² Там же.

³ Цит. по кн. Серошевского «Якуты», стр. 222.

⁴ Существует и ныне под тем же названием; выходит в северо-западном направлении из Индигирки в 30 верстах выше устья близ местечка Осколково (1 юрта) и впадает в морскую губу, в которую, кроме того, вливаются реки Волчья и

Киндяков описали восточное и среднее устья Индигирки»¹. Нет сомнений, что «Русское жило» и есть Русское Устье.

Один из спутников Врангеля, участник его экспедиции, провел в Русском Устье лето 1823 года (несколько раньше, именно в 1809–10 гг. через Русское Устье прошла экспедиция Геденштрома, о чем имеются бумаги в усть-янском архиве). Он нашел здесь «четыре хижины», насчитал в трех селениях (Едомка, Русское Устье и Елонское Устье) 108 человек мужчин, все русские². В настоящее время (1912 г.) в Русском Устье шесть домов, т.е. за целое почти столетие поселок вырос лишь на два дома: Едомки и Елонского Устья — совсем не существует. От Едомки не осталось даже следов (интересно отметить, что «едомой» теперь здесь называют размытые холмообразные возвышенности, идущие грядой вдоль Индигирки на западном берегу её); на месте же Елонского Устья (р. Елонь³) впадает близ Русского Устья в Индигирку) сохранилось лишь обширное кладбище со сгнившими крестами.

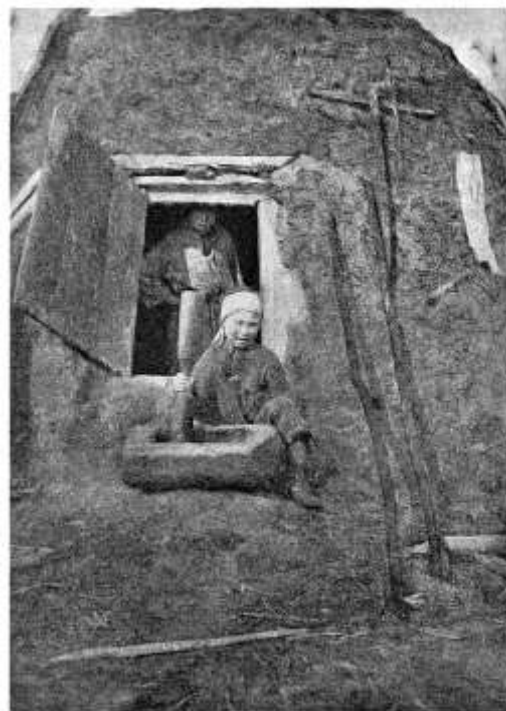

Рис. 11. Настюка толчет борчу (вяленую сельдь)

Предание настойчиво утверждает, что прежде местное население было гораздо многочисленнее и что много народу перемерло от кори (50 лет тому назад) и от оспы (30 лет тому назад). Быть может, это справедливо, если судить, например, по тому, что в 1823 году, по словам Врангеля, жило 108 мужчин там, где сейчас можно насчитать только 20. При устье Елоны еще теперь виднеется обширное кладбище с полусгнившими остатками окружавшей его ограды — там похоронены умершие от оспы. В самом Русском Устье сейчас сохранились развалины жилых домов, указывающих на то, что раньше жизни здесь было больше; среди них с краю стоит большой, хорошо устроенный дом в две горницы — широкие скамьи, табуреты, столы, у окон видны еще задвижки из мамонтовой кости с вырезанными на них узорами, которыми держались оконные рамы, а самые рамы с остатками слюды вместо стекол валяются тут же на земле. По всему видно, что в доме велось большое хозяйство (это подтверждают и рассказы: «Чихачевский дом здесь первый был — не старостиному чета») — прошло уже лет 20–30, как он заброшен, и

Гусиная. Этой Гольжинской протокой индигирцы обычно плывут в июле «по гуси» для добычи ленного гуся, собирающегося на время линьки в несметных количествах близ моря.

¹ «Краткий исторический очерк гидрографии русских морей». Часть I. СПб., 1896. Стр. 6–7.

² Врангель: «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю 1820–1824 гг.» СПб., 1841.

³ Кстати, не имеет ли родственной связи название «Елонь» с загадочным словом «ялань, елань», которое встречается у Штраленберга и Ремезова и означает не то расчищенное место, не то равнину вообще. См. у Серошевского, стр. 78, 220, 221. В Ачинском уезде Енисейской губернии и теперь «яланью» называют расчищенное место.

наследники проиграли его в карты. Впрочем, весьма вероятно, что предание о более густом, чем теперь, населении легендарно — по переписи 1750 года оно равнялось 493 душам, а с 1822 г. по последнее время колебалось по архивным данным между двумя и четырьмястами...

Появление русских на Индигирке и укрепление на ее берегах русской «культуры» вызвало обычные последствия: Юкагирская Индигирская земля обезлюдела. Русские вытеснили туземцев с реки — теперь на Индигирке совсем нельзя найти юкагиров. Якуты еще изредка кое-где попадаются (есть две-три семьи в Станчике¹ по одной семье в Бородине и в Шевелеве), из юкагиров осталось 2-3 человека, живущих в русских семьях на положении работников; они уже сильно обрусели. Только в 20-30 верстах к востоку от Шевелева (на полпути между Аллаихой и Русским Устьем) живут с небольшими стадами оленей юкагиры, 5-7 семей, которые на десятки верст кочуют вокруг этого места; летом, в «комарное время» они спускаются к морю. Еще дальше на восток и немного южнее на каменистой возвышенности живут более многочисленные «каменные юкагиры». Они редко бывают на Индигирке (вернее, в Аллаихе), разве за чаем и табаком около Рождества к приезду купцов, которым сбывают меха, и зимой для говенья, так как религиозные обряды ими соблюдаются строго. Еще теперь в некоторых местах, обязательно возле реки, находят остатки старинных землянок, где местным жителям, забредшим в них случайно, попадались каменные и костяные ножи и топоры. Эти остатки древнего юкагирского жилья называются здесь «чандала». Среди поросших лесом камней к востоку от Ожогина живут довольно многочисленные ламуты и тунгусы, занимающиеся, как и остальные бродячие и кочующие инородцы, исключительно оленеводством. По течению р. Алазеи и дальше на восток и, по-видимому, юго-восток, к Колыме живут чукчи, из которых некоторые имеют очень большие стада оленей (в несколько тысяч голов). Раньше они каждый год приезжали в Русское Устье или Шевелево, но года два тому назад прекратили свои наезды.

Рис. 12. Вечный покой

¹ Станчик — на восточном рукаве Индигирки, именуемом Колымским, на старых картах обозначен как Станичничково — возможно, что здесь именно был укрепленный казачий острожек времён борьбы русских с алазейскими юкагирами (XVII в.); ещё теперь там сохранились развалины значительных построек.

III. Хозяйство

«Общественники мои, зашиверские мещане, жительствоуют рассеянно по пустолежащим, неразмежеванным и неизвестно к кому принадлежащим местам, смежно с якутами на берегах реки Индигирки, также и якутские мещане заселившиеся с предков своих в разные времена, живут совокупно с якутами и юкагирами, из числа же их многие имеют собственные дома и песцовые ловушки, доставшиеся им в наследство от отцов и дедов их, также имеют рыболовные заведения в достаточном количестве, и сим средством содержат семейства свои безбедно».

Рис. 13. Ловля сельдей подо льдом

Слова эти из донесения зашиверского мещанского старосты в Верхоянское Окружное управление от 17 января 1839 г. вполне применимы и к теперешнему положению верхоянских мещан: рыба и песец по-прежнему являются основными источниками их пропитания и доходов.

Суровым трудом полна жизнь индигирца — во всем году нет и одного месяца, свободного от работы, —

работают не только полные сил мужчины, на которых держится хозяйство, работают женщины, старики и подростки, начиная с 10–12 лет. Труд тяжелый не только по самому своему характеру, но и по той обстановке, в которой протекает. Зимой четыре раза ездят осматривать и ладить «пасти» (так называются сложенные из бревен ловушки), бывая в отъезде до месяца; мечут подо льдом сети, прорубая ледяную толщу в «печатную сажень» (4 аршина): весной, с появлением первых «заберег» (протаявший лед вдоль берега), начинают неводить; горячее время наступает сейчас же после прохода льда — надо успеть поставить в разных испытанных и заранее намеченных местах (на висках и лайдах, т.е. на заливных протоках и озерах) сети на рыбу, домашние — бабы и подростки — в эту пору неводят сплошными сутками; с наступлением лета начинается правильный рыбный промысел, живут в это время в летниках (земляных «урасах»), выстроенных у рыболовных песков; летний промысел продолжается все лето до заморозков, прерываясь время от времени высокой водой, когда рыба идет по середине реки. Обычно мужчины заняты сетями, так как обращение с сетями требует умения ездить на «ветке», каковым бабы не обладают, — женщины и подростки неводят. Если промысел летом плох и есть достаточно рук, на которые можно оставить хозяйство, мужики едут к морю гусевать или на «камень» и по «ярам» искать кость (бивни мамонта). К осени новая забота — сторожить пасти и приводить их в порядок. Когда станут реки

и замерзнут озера, начинается промысел сельдей и «устарок» (омулей обратных) в реках (подо льдом), пельдятки и рыбы (чир, муксун), — на озерах. Когда выпал снег, едут на тундру за песцами, которых травят собаками, одновременно осматривают пасти, настораживают их вновь на «симку» (тетиву), попутно мечут по озерам сети. После окончания осеннего песцового промысла (в конце октября) ловят рыбу на Новой реке, в низовьях Индигирки у моря — круг завершен.

Рис. 14. За сетями: сучат волосы

Но этим не ограничиваются хозяйственные заботы индигирца — надо еще обеспечить себя дровами, — забота в местном хозяйстве очень существенная. Дрова дает та же Индигирка. Когда река вскрылась, и лед пошел вниз, всякий с нетерпением и жадностью высматривает, не несет ли Индигирка деревьев. Иногда их вылавливают прямо из воды, но чаще собирают по берегу. Выкинутые у юрты деревья считаются собственностью того, кто в этой юрте живет, но дрова — большая ценность в этом крае, в борьбе за нее это право нарушается (если хозяин отсутствует), и возникает немало неудовольствий. В это время соревнование вообще достигает большого напряжения — упущена весна, все кругом оберут, и можно на целый год остаться без дров. Поэтому все разбредаются по тундре, ее многочисленным вискам и протокам — мужики, подростки, бабы. Нагруживают кучи, на больших деревьях (кроме дров, нужно еще дерево на разные поделки — на нарту, лодку, весло) ставятся «признак». Летом по берегам реки можно всюду увидеть нагруженные кучами деревья, собранные предусмотрительными хозяевами — за ними ездят уже зимой. Конечно, в чьем доме больше рук, там собирают, к ущербу других, и больше дров. За зиму каждое хозяйство потребляет огромное количество дров — камелек горит в юрте с утра до ночи, и кроме того, заготовленные дома дрова часто приходится брать с собой, уезжая на промысел зимой за песцом или рыбой — в открытой тундре и у моря наносного леса нет, там не найдешь и щепочки.

Тяжел труд индигирца, но все же он окупается. Только нерадивый или неумелый хозяин вынужден бывает к концу зимы прикупить рыбу на стороне, обычно же ее хватает до нового улова. «Голодные года» отражаются больше на собаках, которым тогда сокращают кормы, и о состоянии хозяйства каждого можно приблизительно судить по тому, сколько возле его юрты к весне валяется пропавших собак.

Хозяйственный инвентарь состоит прежде всего из «завода», т.е. рыболовной снасти. Смотря по состоянию, хозяин имеет 1–3 невода, 10–200 сетей. Не имеющие своего хозяйства идут в работники: работнику платят 25—30 р. в год на хозяйском содержании и с хозяйской одеждой, работа — исполу; или ему платят 50–70 р. в год, но уже весь труд идет хозяину. Случается, что работник имеет кое-какой свой завод и свои пасти, и эти доходы поступают уже в его пользу. Что касается пастей, то их бывает в хозяйстве от 20 до 300.

Ни одно хозяйство по местным условиям немислимо без собак. Их бывает от 8 до 40. Вся работа, связанная с передвижением и перевозкой, выполняется собаками — это единственная «скотинка» индигирцев, как они их называют. Бывают еще, правда, лошади, но только у богачей, да и то немного — на них лишь летом ходят к морю за гусями и для осмотра ловушек; зимой они на подножном корму почти без всякого присмотра. Что касается оленей, то их держат — у юкагиров — очень мало; почти исключительно для осеннего песцования; раньше оленей держали много — по несколько сот, но постепенно они перевелись. Оседлый образ жизни и отсутствие близких кормовищ — главное препятствие оленеводства. Собаки индигирцу стоят недешево — на каждую собаку уходит в день 1 рыба или 7–10 сельдей (щербой, т.е. в вареном виде, вдвое меньше). Всякий старается иметь две нарты — одна для промысла, другая — для домашних надобностей, т.е. около 20 собак. Эти 20 собак в год съедают 2.000 рыб и 10.000 сельдей; благосостояние собак в значительной степени зависит от успеха сельдяжьего промысла, т.к. сельдь главный корм собак, ею кормить их хозяину всего выгоднее. Продажная цена собаки от 10 до

Рис. 15. За дровами

40 р.; особенно охотятся покупать индигирских собак колымчане, — в феврале индигирцы с этой целью ездят в Колыму на ярмарку в Пантелеихе близ Нижне-Колымска (в марте), куда съезжаются чукчи. Там собак обменивают на березовые нартенные полозья (10 р. пара) и мех на одежду. Богачи хранят рыбу для продажи и осенью продают ее «голодающим» (главным образом

идет на собак) — на 1 р. идет 10 рыб (чир, муксун) или 100 сельдей (во время промысла на рубль дают 15–25 рыб).

Вот примерный хозяйственный инвентарь и годовой бюджет одного из бедных русско-устинцев (Ивана Чихачева); взяты только более крупные цифры.

Семья состоит из двух взрослых мужиков (братьев), бабы и четырех детей, из которых старшему 13–14 лет, младший — грудной. Завод: 10 собак (из них 6 ушли — убежали с нартой и пропали в пургу, 1 пропала от старости; общественники помогли, дав нескольких старых собак, — к осени подросли собственные щенки, и зиму Иван начал с 8 своими собаками), 1 невод, 15 сетей, 1 карбас (строят вверху — стоит 25 р., с доставкой 30 р.), 3 ветки (продажная цена — «после экспедиторских» — 10 р. каждая), 110 пастей. За год у него было: 50 гусей ленных (гусиный промысел в прошлом году был очень плох, обычно же на пай приходится 200–300 гусей), 600 рыб, 5.000 сельдей; на семью шло в день около 10 рыб — рыбы хватило до нового улова. За этот год прибыль состояла из: 2 песцов (14 р. 50 к.), обычно все-таки бывает значительно больше; продано на 5 р. сельдытки, от общества за отопление церкви 6 р., продал собаку за 15 р., за наем дома 20 р. (доход случайный) — итого 60 р. 50 к. Израсходовано: 17 р. на подати (за 2 души по 7 р. и ½ души сына, с подводами) 2 р. за 1½ или 2 мертвых души = 19 р.; на «лопоть» — 15 р., забрано у приказчиков на 20 р. и разные мелкие расходы — ушел весь доход и еще накопился долг в 15 р. старосте-приказчику.

Рис. 16. Снасть

Свечи, сахар и мука («провиант») — в хозяйстве индигирца предметы роскоши.

Крупную и необходимую статью расхода составляет «лопоть». Нужен недоросль (шкура молодого оленя), нужны оленьи камысы (с ног) — только случай может дать летом оленя, да и то шкура летнего оленя плоха. Надо доставать или у приказчиков, или у юкагиров. Цены бывают: недоросль — 2–3 р., постель (шкура взрослого оленя) — 1 р. 50 — 2 р. пыжик (теленка) — 2–3 р., 4 кумыса — 1 руб. (олень на мясо: бык — 10 р., важенка — 8 р.).

Что касается товаров у приказчиков, то товар здесь очень плох и дорог. Местная торговля ведется большею частью агентами якутско-усть-янских купцов; так, здесь имеются: в Русском Устье — староста Киселев, приказчик якутского купца Павлова (преемника Я.Ф. Санникова); Н. Чихачев (Лобазное — 45 вёрст вниз от Русского Устья) — приказчик усть-янского купца И.И. Санникова; Н. Шелканов, кочующий между Станчиком и Шевелевым, — приказчик Павлова; Дунавец в Аллаихе, — приказчик якутского купца Антипина; Борисов там же (только зимой) — приказчик якутского купца Артамонова. Они продают хозяйские товары, скупают для своих хозяев песцов

и кость, но в сущности ведут свое дело бесконтрольно и несомненно накидывают в свою личную пользу очень большой процент на продаваемые ими товары против назначенной хозяином цены, никакой учет тут невозможен (характерно, что из всех перечисленных выше «приказчиков» грамотен лишь один Борисов). К счастью, им не удастся в достаточном для них количестве доставать спирт (который «запрещен» к вывозу на север), и это спасает местное население от разорения. Спирт имеют лишь усть-янские и якутские купцы, приезжающие на Аллаиху в ноябре–декабре, и стараются с его помощью обделать свои дела среди юкагиров и чукоч, спускающихся к ним с камней со своими мехами. Товары обычно приходят в это время (декабрь–январь) и, в связи с привозом их, стоит колебание цен: «низкие» в начале года, цены растут к весне и наибольшей высоты достигают в конце лета, осенью и в конце года.

Провоз пуда из Якутска в Русское Устье (пароходом — на Булун, из Булуна через с. Казачье зимой на оленях) обходится в среднем 4 р. 10 к., но цены на товары в Русском Устье, по сравнению с Якутском, повышаются, конечно, в значительно большей степени.

	Цены в Якутске	Цены в Русском Устье	Действительная стоимость товаров в Русском устье с провозом от Якутска
1 пуд крупчатки	3 р. 80 к.	10 р.	7 р. 90 к.
1 пуд ржаной муки	1 р. 70 к.	7 р.	5 р. 80 р.
Муку можно достать на Индигирке только зимой, летом её нет вовсе.			
1 кирпич чая	1 р.	1р. 50к. – 1р. 80к.	—
1 фунт сахара	22 к.	50–75 к.	32 к.
1 фунт свечей	35 к.	80 к. – 1 р.	45 к.
1000 спичек	13 к.	50 к. – 1 р.	—
1 фунт табаку черкасского	30 к.	50–80 к.	40 к.
1 фунт мыла простого	18 к.	50 к.	29 к.
1 фунт волоса конского	—	1 р. 70 к.	—
1 фунт сухарей крупчатых	—	1 р.	—
1 фунт пшеничн. или ржаных сухарей	—	20 к.	—
1 арш. «серафимки» (сарпинки)	—	35–40 к.	—
1 арш. дрянного серого сукна (арестантского)	—	1 р. 70 к.	—
1 арш. бумазеи	—	40–50 к.	—
1 фунт конопли	—	50 к.	—
1 арш. ситца	—	25–30 к.	—

Масло достать трудно, молока вовсе нет и никогда не бывает; его вкуса индигирцы не знают.

Цены на песца, по которым берут приказчики: норник-крестоватик — 50 к. — 1 р.; чайшник — 1–2 р.; недопесок — 6–8 р.; полный — 8–14 р.; пара лапок — 20 к.¹.

Рис. 17. Ездовые собаки

Цены на песца подвержены колебанию, что позволяет играть на песце, как на биржевых бумагах. Так, в январе 1912 г. полный песец стоил 7 р. — 8 р. 50 к. В конце февраля приказчик Артамонова Борисов в Аллаихе поднял цену до 10 р., Струков из Похвального скупал для абыйского купца якута песцов по 14 р., в середине марта, перед отъездом приказчиков в Казачье,

песец на Аллаихе стоил — 15 р. С их отъездом, цена на песца сразу упала и в конце апреля — начале мая, после возвращения приказчиков из Усть-Янска, цена ими была установлена на все лето в 10 руб.; установленная цена держится до зимы — «до новых вестей от купцов». Для характеристики того, каков может быть оборот купцов, продающих на Индигирке товар в 2 и 3 раза дороже их действительной стоимости, следует отметить тот факт, что песец, которого купцы покупали в зиму 1911–12 гг. по 7–15 р., дошел в Якутске на летней ярмарке 1912 г. до 24 р.!.. «Как песец-то ныне загремел!» — говорили между собой купцы. Нужно ли прибавлять, что от промышленников купцы старательно это скрывали...

Кость 1 пуд. — 30–66 р., смотря по качеству. Шкуры белого медведя стали очень дороги: в 1889 г. медведь стоил 8 р., еще недавно — 25 р., этой зимой продана шкура средней величины за 86 р.; в Колыме, говорят, зимой продано 5 шкур по 120 р. каждая. Добыча медведя здесь случайна. т.к. специального промысла на медведей не существует.

Деньги исключительной роли в хозяйстве индигирца не играют — их часто заменяют песец, рыба, собаки, ремни (с юкагирами и чукчами), личный отработок.

Торговля носит здесь, как и вообще на всем севере, хищнический характер¹. Промышленник *всегда* опутан долгами, в которые его намеренно втягивают

¹ Интересно сравнить с этими ценами существовавшие здесь в 1835 году цены: 1 пуд ржаной муки — 10 р. — 13 р. 50 к.; 1 пуд пшеничной муки — 20 р.–25 р.; 1 пуд сахара — 100 р.–140 р.; 1 фунт чая — 7 р. 50 к.–10 руб. Сахар и чай именуется в росписи «предметами роскоши». Песец 1-й сорт стоил от 50 к. до 1 р. (Данные по архиву Русского Устья).

купцы и их приказчики. Обычно такое явление: весной промышленник едет в с. Казачье расплатиться с долгами и закупить на добытые за зиму меха кое-какого товара.

Совершив эти несложные операции, он прощается с купцом и собирается уходить из лавки. Купец его не пускает: он угощает его чаем, более упрямому подносит стаканчик водки, — против этого соблазна устоять невозможно, ведь здесь не только удовольствие, но и почет перед другими людьми. За чаем купец предлагает своей жертве разные товары, открывая *охотно* («надо, брат, тебя уважить») кредит на несколько десятков рублей.

Рис. 18. Нарта и ездовые собаки

Промышленник, размягченный лаской и вниманием купца, не в силах отказаться от предложения (да и, действительно, чего не нужно индигирцу в его убогом хозяйстве, в котором часто и простой железный гвоздь может быть ценной находкой!) — набирает товара и... попадает в кабалу. Он уже должен купцу — и первую свою добычу должен отдать своему кредитору

часто за полцены. Этим объясняется та таинственность, которой индигирец окружает свой промысел — удачу всегда скрывают, всегда преуменьшают, а самые торговые сделки совершают в тайне, между четырех глаз, оглядываясь по сторонам. Часты такие случаи: песок быстро поднимается в цене, у промышленника добыты их несколько штук, но он только охает, жметесь и ждет приезда своего кредитора, которому отдает своих песцов по 8 рублей, хотя цена на них кругом стоит в 14 рублей. Продавать тайком — узнает купец и «обидится», выплатить долг деньгами тоже нельзя, потому что и в этом будет для купца «обида», которую тот на нем выместит. По той же отчасти причине нельзя также выдержать песка до настоящей цены — кредитор ждать не станет.

Что касается значения спирта в местной торговле, то роль его огромна даже и тогда, когда его имеется очень мало. Страсть к спирту у русских и инородцев здесь почти болезненна. Опустошение, которое среди местных инородцев произвела русская «культура» за три столетия своего существования, нужно, конечно, главным образом приписать спирту. Мне называли не мало юкагиров

¹ Для многих приведенных здесь фактов о торговле, промышленности и деньгах, сравн. высказанное в рецензии Вл. Богданова на книгу проф. Довнар-Запольского: «История русского народного хозяйства». Т. I. («Этногр. Обзор.» Кн. XC–XCI, стр. 242–246).

и чукок, которые за одно–два поколения совершенно проматывали на спирте и картах огромные состояния, заключавшиеся в многотысячных стадах оленей.

Обычно купец поступает так: приехав «в гости» к богатому юкагиру или чукче, он пьет с ним чай и за чаем подносит *каждому* по стаканчику водки. Затем бутылку прячет. Чаепитие продолжается. Но, хлебнув волшебной влаги, дикарь теряет уже всякое самообладание, которого у него и вообще немного: ему нужно обязательно *напиться пьяным*, об этом моменте он мечтал весь год. И он тащит купцу все, что только может интересовать последнего. Чем сильнее страсть к спирту и чем сильнее опьянение, тем, конечно, выгоднее идет для купца «торговля».

Когда я гостил у юкагиров, то часто приходилось слышать усиленные просьбы угостить их водкой. Некоторые не только просили, но буквально умоляли; протягивали небольшой стаканчик, в котором была положена 10-рублевая бумажка, предлагали песца (великолепный «полный» песец, цена которому была наверное не меньше 24 руб.), за

Рис. 19. Шьют ветку

бутылку водки просили выбрать любого ездового оленя (хороший ученый олень, «который в сторону не бросается и сам на дым идет», стоит здесь 20–25 р.). Можно себе представить, что в состоянии проделать беззастенчивый купец в таких условиях! И некоторые проделывают... (Хотя бывают и такие случаи: купец не сдержится, сам выпьет лишнего, — наконец, ляжет костью со своими клиентами и возвращается домой с пустыми руками — без песцов и без спирта). До сих пор спирт в потребном для купцов количестве имелся на севере всегда: в Верхоянске (куда тоже «запрещен» его ввоз) его всегда раньше можно было купить как по таксе — 5 руб. бутылка. в Нижне-Колымске спирт доходил уже до 25 рублей. Летом 1911 года в Булуна на Лене было конфисковано 150 ведер спирта, — провезли, конечно, через тот же Булун в несколько раз больше, чего почти не скрывали: так, при мне зимой 1911–12 г. привезен был в с. Казачье (Усть-Янск) спирт из Булуна на нескольких подводах, о чем знало все селение. Летом 1912 г. якутским губернатором приняты были строгие меры против ввоза спирта в северные округа, в Усть-Янске даже учрежден был специальный пост из 9 казаков для розысков спирта и наблюдения за торговыми приемами северных купцов. Они делали неожиданные набеги на купцов, внезапные обыски товаров в пути. До сих пор конфисковано... ведро спирта у одной неосторожной купчихи. Другой пост для ловли спиртоносцев учрежден на Усть-Алдане. Нет, конечно, сомнений, что эти меры к

Рис. 20. Серят ветку

желательным результатам не приведут. Да ведь и казаки — те же люди, которым вряд ли чуждо человеческое... Несомненно одно: цена спирта теперь па севере подымется, и за стакан юкагиры будут давать не одного песца, а двух... Запретительные меры, как всегда и всюду, приведут к прямо обратным результатам.

В Якутском селении Абый зимой 1912 г. мне пришлось слышать от одного местного купца следующий любопытный рассказ. — «Беда с этим запрещением, придется торговлю здесь закрывать. Привез к зиме товары, наехали из улусов якуты за покупками. — А, что, — спрашивают, — сладенькое есть? — Нет, говорю, и не будет сей-год, губернатор запретил. — Ну, говорят, не будет, так и товаров нам твоих не надо. — Так и ушли. Мне, при моей торговле, без десяти ведер спирта не прожить». Торговли все-таки купец не закрыл, очевидно — достать 10 ведер спирта ему удалось, т.к. позднее слышно было, что он торгует хорошо. Конечно, спирт ему теперь обошелся дороже (трудность провоза, риск), что отзовется прежде всего на его покупателей — якутах. Весь одеколон, имевшийся в абыйских лавках, давно уже был выпит.

Спирт (и еще карты) на севере вообще одна из тех осей, на которой вертится местная жизнь — он создает богатства, дает власть, на нем созидаются и терпят крушения карьеры даже высших полицейских чинов (как это имело место в Ср.-Колымске и Верхоянске). И какую роль, даже по признанию администрации, играет спирт в местной жизни — об этом можно судить по одному тому, что с каждого чиновника, едущего на службу в северные округа, *берется в Якутске подписка*, что он сам не будет употреблять спиртных напитков. Надо ли говорить, что эта подписка ни к чему фактически не обязывает. Ведь все почти местные чиновники смотрят на свое пребывание на севере, как на временное, из которого они стараются извлечь *всяческую* выгоду: редко кто не заинтересован из них торговыми оборотами, в которых спирт играет такую исключительно важную роль: ведь спирт на севере стоит гораздо дороже денег... И это будет продолжаться, вероятно, до тех пор, пока вообще будет существовать запрещение на ввоз спирта в северные округа. Сами индигирцы в один голос уверяют, что, когда по Индигирке существовали «вольные кабаки» (до введения винной монополии), разорения было меньше.

IV. Промыслы

Основной промысел индигирца — рыба.

Как только с берега стает снег и вдоль реки протянутся забереги, начинают неводить. В этом году неводить начали 27 мая (река вскрылась 1 июня) — попадали омули, чир, муксуны и сельдьятка, но главной рыбой вешнего улова считаются муксун, чокур и сельдьятка. Понемногу вода с реки (через забереги) вливается в виски и лайды, вместе с вешней водой в лайды заходят муксун и нерпейка (молодой чир), на которых по лайдам ставят сети. Неводьба все это время до прохода льда идет непрерывно—здесь на реке попадает нельма, иногда налим. Около невода живут бабы и подростки (живут это время у «рыболовных песков»), сетями заняты мужики на «ветках». За пять дней в это время один невод добыл 1500 сельдей и несколько сотен рыбы; 22 сети, поставленные в виске, дали за одну ночь 70 рыб. Во время вскрытия реки и прохода льда ловля в реке прекращается — вода разливается, и рыба при высокой воде идет по середине реки. Промысел снова возобновляется, как только вода начинает падать; в лайдах вода в это время тоже начинает спадать, и вместе с ней в реку выходит рыба. За одну ночь три сети в виске дали десятка полтора рыб (омуль, чир, муксун) и 180 сельдьятки; одна сельдевка за 10 часов дала 80 сельдей. После прохода льда, когда вода спадает, на реке добывают муксуна и омуля — омулевый ход продолжается до Петрова. — За лето вода в реке несколько раз поднимается, и тогда речной промысел прекращается—поднимается вода очень нерегулярно, в зависимости от выпавших сверху дождей или ветра с моря. До нормального уровня вода спала в середине июня; 20-го июня стала подниматься, в конце июля река сильно обмелела, но потом вода опять начала быстро прибывать и к 9 авг. дошла до края берегов (как весной) — эта вода была сверху; после 9-го опять упала и падала, не переставая, до 15 сент., когда Индигирка встала, и даже позже — уже подо льдом, отчего лед на реке оседал и ломался.

Рис. 21. Тяжёлые волока близ Ярка у морской губы

Все лето в «уловах» («улово» — столкновение двух течений, водоворот) на реке ловят сетями рыбу, иногда сельдевками — сельдь; в первую половину лета мечут также сети по лайдам. С Прокопьева дня (8 июля) до осени ловят нерпейку — в сетях и неводу. С середины июня омуль, чир, сельдьятка бывают икрянными; омуль идет в это время вверх выпускать икру, откуда возвращается в конце сентября — начале октября похудевшим и сильно изменившимся — в

виде «устарок». К Успеньеву и после Успеньева начинается ход сельдятки и муксуна, который продолжается до Воздвиженья; особенно икрянными муксун и сельдятка бывают в середине августа. Метать икру рыба начинает к Иванову дню (29 авг.). После Воздвиженья начинается подо льдом на реках ловля сельдей и устарок, на озерах — чир и пельдятка, до Николина дня (6 дек.). Ловля сельдей бывает особенно добычлива на р. Елони (но не каждый год) —

Рис. 22. Юкагир Тутта

этот промысел продолжается около недели. После Дмитриева дня (6 окт.) внизу ловят (на р.р. Новой и Немкове) омуля, которого затем у моря промышляют всю зиму — и омулевые сети снимают лишь в конце марта.

В прежнее время часто «запирали» всем обществом речки и виски, при чем добычу делили по числу участников промысла, но в последнее время эта артельная ловля вывелась из обычая — главным образом благодаря противодействию богачей, для которых индивидуальная ловля при большем, по сравнению с остальными, количестве сетей, конечно, добычливее. Настоять на своем бедняки не решаются, да и не в силах.

З а в о д:

Сеть — исключительно из волоса; вышина — печатная сажень (4 арш.), 27 узлов; длина — 12 сажен, 350 ячей, ячая—в 4—7 пальцев. На омуля—6 перстов, на пельдятку и чокура—4 перста, на чира и нерпейку — 5 пальцев, на нельму — 4-7 перстов. На сеть идет 2-3 фунта волоса по 1 р. 50 к. фунт; хватает волосяной сети лет на десять. В хозяйстве бывает 10-200 сетей. На «улове» (слиянии двух течений) такая сеть поднимет 20 омулей.

Сельдевка — из волоса: вышина 45 узлов, 1 сажень, длина — 600 ячей, 12 сажен; ячая — 3 перста. Идет на сельдевку 4 ф. волоса. Промышляют ею сельдь и пельдятку; одна сельдевка поднимает 300-400 сельдей. Хватает на 10 лет. В хозяйстве — 1-20 сельдевок.

Невод — из нити: 6 мереж или ставок, каждая мережа 8 сажен длины (на тетиве 6½ сажен), вышина 66 ячей (ячая в 3 перста). длина 30 сажен; идет 12 ф. нити по 1 р.—1 20 к. фунт или 20 ф. конопли по 50 к. ф. Хватает на 1 год из покупной нити и на два года из нити своей работы. В хозяйстве 1-3 невода.

Завод вообще дается исполу.

Мережи идут также на гусевание и перегораживания висок (12—20 сажен).

Невод может дать до 50 рыб и 1000 сельдяток в день, и потому добычливее сетей, но он требует непрерывной работы и зимой бездействует, сеть же

оставляется на месте, и добывать ею можно круглый год. Если осенью хорош ход сельди, то много дает сельдевка (подо льдом) — так, в 1911 г. самое слабое хозяйство добыло на Елони за 10 дней 5–6 тысяч, а богатое — до 40.000. Зато в 1912 г. улов сельди был вовсе плох.

У сетей и особенно сельдевок есть опасный враг — большая белая чайка.

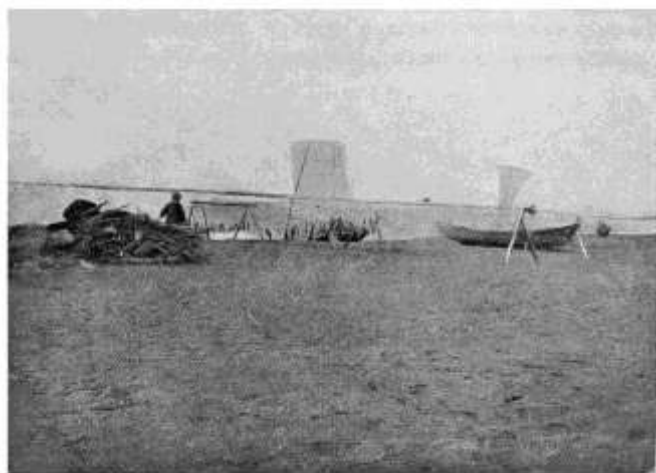

Рис. 23. Невода

Сильным клювом она легко раздирает сети, вытаскивая рыбу, и сильно вредит промыслу. Облюбовав сеть, она караулит ее и заставляет хозяина чинить снасть ежедневно. С ружьем не подпускает, на «уду» попадает редко («уда» — острая палочка, воткнутая внутрь сельдятки, — жадная птица проглатывает рыбу целиком и давится).

Рыба

Сельдятка — основной корм собак. Ловят еще по заберегам. Невод здесь дает за день 1–2 тыс. сельдяток. После прохода льда по вискам ловят сельдевками — в сутки сельдевка дает в это время 100–150 сельдей. На озерах попадает очень редко. Понемногу ловят ее на реке все лето. В середине июня — икряная, мечет икру к 1 сентября. На реке больше попадает с Успенья до Воздвиженья, но главный улов ее бывает на Елони после Воздвиженья (около 10 дней). Также ловят в это время и немного позднее сельдевками на реке. Иногда — очень редко — бывает около зимнего Николы (6 дек.) — жирная, как омуль.

Чир (*Salmo nasus*), *нерпейка* (маленький чир) — лучший сорт местной рыбы. Весной по лайдам, летом в неводу, к Успенью чир кончается. Зимой (и осенью) — по озерам. Икряный — в середине июня, мечет икру к 29 авг. (Иванов день). Озерной чир с бассейна Индигирки славится своим вкусом по всей Якутской области. Юкагиры знают по тундре внутренние озера, где чир водятся необыкновенных размеров; я сам видел у них чиров более двух аршин длиною.

Омуль (*Salmo autumnalis*) — после прохода реки до начала июля. С середины июня идет вверх метать икру, возвращается («устарок») в начале октября; за исключением октября попадает икряным во всякое время года. С Дмитриева дня (26 окт.) ловят внизу (на Новой реке), с Николы до Рождества на р. Немкове (близ самого моря). иногда до Крещенья и даже весны.

Муксун — с вешней водой по лайдам до прохода льда, летом его мало (но в морской губе во время гусевания 8–20 июля попадался хорошо, икряный).

Около Успенья и позднее в реке неводом добывают много икряного муксуна (до 200 на невод), зимой—в Индигирке (в ямах).

Нельма (*Salmo leucichtys*) — попадает преимущественно весной и зимой; иногда запутывается (благодаря своей острой морде) даже в сельдевках. Бывает в пуд и более.

Налим — весной в неводу; не часто.

Стерлядь («костёрка») — небольшая, попадает редко: летом и осенью подо льдом в сельдевках.

Чóкур — весной в реке.

Чукучан (*catostuus*) — весной в сетях и неводу, немного.

Пельдьятка — осенью и зимой в озерах сельдевками, икряная.

Краснина или краска — (зубастая рыба с нежным, розовым мясом; на Ожогинском озере вверху Индигирки достигает огромных размеров — свыше 2 арш. длиной) — осенью и зимой в озерах.

Щука — редко.

Рис. 24. Невадят

Рыба кормит индигирцев, песок дает им деньги. У промышленника бывает от 20 до 30 ловушек, расположенных по всей округе до самого моря и по берегу его — радиусом от 5 до 130 верст. Ездят осматривать пасти обычно четыре раза в зиму: в Покров (1 окт.), около Афанасья (18 янв.), около Алексеева дня (17 марта) и в

вешнего Николу (9 мая). В эти сроки выезжают промышленники одновременно, и, согласно уговору, в иное время осматривать ловушки не имеют права, в предупреждение возможности хищений песцов из чужих пастей. Ездят по пастям от 3 до 20 дней, ночуя в специально для этой цели изготовленных землянках, — лес по большей части берут с собой или заготавливают с осени по местам загодя для топки. Пасти переходят по наследству от отца к сыну и существуют многие десятки лет; рачительный хозяин подбавляет новые, исправляет расстроенные.

В конце лета (последние числа июля), после гусевания, пастники едут вдоль морских берегов на конях настораживать пасти «мотырьками» — кончиками крыльев ленных гусей, заготавливаемых во время гусевания; возвращаются к Успенью или Иванову (29 авг.). Эти морские пасти дают всего больше. В первый зимний осмотр настораживают пасти на «симку» (волос) и разбрасывают вокруг каждой пасти кусочки кислой рыбы или гуся, чтобы заманить песца; летом симку может задеть птица. Добывают в пастях за год от 2 до 50 песцов в хозяйстве. В значительной степени добыча зависит, конечно,

от случайности, но отчасти — также и оттого, насколько хозяин о своих пастях заботится. — Осенью 1912 г. набег песца был необыкновенный — «что комара». Один промышленник из 300 пастей вынул в один объезд 70 песцов (большею частью — крестоватики и чайшники), но из них цельных было лишь 8, остальные были съедены в пастях другими песцами.

Линять песец начинает в середине мая («после царя» — 21 мая), когда с тундры начинает сходить снег: летом он бурый. К осени норник становится крестоватиком, потом превращается в синеватого чайшника, с появлением снега белеет и становится недопеском. Полным или дошлым (снежно-белый) песец делается к Дмитриеву дню (26 окт.).

Рис. 25. Тянут невод

Голубой песец — очень большая редкость; цена ему — от 50 рублей.

Нередко летом вытаскивают из «копищ» норников и выкармливают в деревянных «сайбах» (срубках); кормят до снега, когда песец «дойдет» — но из кормленок хорошая шкурка получается редко, что объясняется больше неумением, чем невозможностью.

В конце сентября едут на собаках — кто имеет оленей, — на оленях — песцовать. Осеннее песцование возможно лишь в том случае, если снег падает в тихую погоду, — как только снег «изломает» пурга, песец становится неуязвим по насту. Снег должен быть в $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ арш., по такому снегу бегать песцу трудно, и собака (с более длинными, чем у песца, ногами) его догоняет. Молодой песец кружится на месте и вертится, отчего слабеет, и собака (промышленными собаками обычно бывают суки, как более легкие и смышленные) легко тогда его загрызает; наоборот, старый, опытный песец при виде собаки бежит всегда прямо. При малом снеге песец при малейшей тревоге бежит на гладкий лед, где собака удержаться не может; при глубоком — лежит в своих «копищах» (норы его тянутся нередко сажени на три), откуда его вырубают, заткнув другие выходы (песец в это время «уркает»), ярая собака даже залезает к нему в нору и там грызется с ним; также вытаскивают песцов из копищ крючьями, в которые они в озлоблении всегда вцепляются. Промышляют осенью от 5 до 20 недопесков — каждый в зависимости от погоды и состояния снега.

В 1823 г. верхоянский исправник получал подати с зашиверских мещан еще песцами, а в усть-янском архиве я нашел квитанцию от 1845 г. на получение податей, которые уплачены были «частью шкурами — красная лисица 2 р., песец белый 1-ый сорт — 1 руб., тоже — 48 $\frac{1}{2}$ коп.» — Там же имелись казенные *печатные* квитанции такого вида:

Квитанция.

Звериных шкур получено:

соболей с лапами и хвостами на

лисиц красных без лап и хвостов на

обских белок с лапами и хвостами на

Существенной подмогой рыбному промыслу является *гусевание* (большой белолобый азиатский гусь). Идут по гуси далеко не все, хотя гусей охотится добыть всякий; — гусевание отнимает почти целый месяц, который часто выгоднее затратить на добычу рыбы (если хорош улов). Идут тремя партиями, каждая от 5 до 20 человек — на Моготоевскую Лопатку, на Крестовскую и к морю на восток от устья Индигирки (из Станчика). Часть гусников идет конями по «едоме» (холмами), большинство — в «ветках» рекою. У моря те и другие сходятся. Успех гусевания зависит как от количества линяющих гусей, так и от погоды.

Рис. 26. Выбирают рыбу

В плохой год приходится на пай по 50 штук, в хороший — пай доходил до 800 штук (в тот год 100 гусей стоили 2 рубля, обычная же цена их 10 штук — 1 рубль). Добытые гуси зарываются на месте промысла в ямах, и ездят за ними только весной; этот лежалый гусь всегда бывает кислым, идет в таком виде на еду как людям, так и собакам.

Кроме трех партий мещан, гусевать ходят «в овое место» живущие в Бородине и Шевелеве якуты и изредка Хомские якуты к устью Хромы.

Раньше (лет 30–50 тому назад) мещане ходили гусевать к Меркушкиной стрелке за р. Хрому, но за дальностью расстояния это место бросили.

Иногда удается летом упромыслить оленя. Промышляют мещане оленей всегда на воде копьем, когда олень переплывает реку¹. Если выследить табун, можно добыть нескольких, из табуна в несколько сот голов, летом убито было на воде сразу 8 штук, а один мещанин в Станчике за эту весну наколотил (исключительно копьем) 20 оленей. Старый бык на воде грозен — он трясет

¹ Правда, у каждого почти хозяина есть ружье, но на него надежда плохая: берданки здесь очень редки, о винчестере даже и мечтать не смеют. Имеющиеся ружья — кустарные, худшего сорта шомпольные одностволки отечественного производства, стоящие на месте 6–8 рублей. Их здесь называют почему-то «турками» и платят в Казачьем по 30 рублей за штуку. Немудрено, что многие до сих пор предпочитают им старинные луки. Льготная доставка берданок на Индигирку была бы хорошим подспорьем для местного хозяйства.

гривой и рогами и сам бросается к ветке, стараясь опрокинуть ее, робкие промышленники дают тягу. В общем добытый олень — счастливая случайность, и потому мясо в обиходе индигирца является роскошью.

Рис. 27. С рыбой у берега

Весной (конец мая до середины июня) собирают яйца, преимущественно гусиные, но не брезгают и чайчьи. Их бывает в хозяйстве несколько десятков штук — для почтенных гостей. Внизу (Осколково, Кусухино) яйца собирают иногда сотнями, если на островах в устье Индигирки хорошо клался «немок» (черная сибирская казарка). Промыслом, наконец, нужно считать *добывание мамонтовой кости*. Ее или ищут попутно по морскому берегу и «едеме», настораживая пасти и возвращаясь с гусевания домой, или же нарочно едут на «камень» и «гонят яры», для чего берут с собой коней и уходят почти на целый месяц. Хорошие «рога» находят не часто (1 пуд — 30–65 рублей), обломки — не редкость. Грузила для невода и сетей большею частью состоят именно из таких обломков. Интересно, что при поисках кости выручка делится на пай между всеми участниками пути, если даже сами они не искали. Так, во время гусевания, четверо гусников нашли «рог» в 1 пуд на берегу морской губы, но дали также пай пятому, который оставался у палаток и спокойно попивал чаек, пока другие ломали свои ноги по ярам. На гусевании мне предложили взять пай, хотя я и не принимал активного участия в промысле (правда, «держал гусей», но в самом избиении не участвовал).

Еще в 40-х годах с Индигирки ходили за костью на Новую Сибирь, но постепенно за дальностью расстояния ходить туда перестали и уступили этот промысел в монопольную собственность усть-янцам.

V. Пища

— «Только бы дал Господь какую едишку, а то чего еще нам!» — эта часто повторяемая индигирцами фраза много раз внушала мне уверенность, что ею исчерпывается все их мирозерцание — они живут, кажется, только для того, чтобы есть. Хорошо поесть — выше этого нет наслаждения. Угостить почетного гостя водкой — это высшая честь, которую может оказать хозяин. Лучшими подарками считается какое-нибудь лакомое блюдо — вроде озерного чира, стерлядки, оленьего языка. В этом отношении здешние русские несколько не отличаются от якутов, юкагиров, чукчей.

Несмотря на то, что еда в жизни индигирцев играет важнейшую роль, их кухня очень незатейлива. Лакомым и наиболее доступным для всех блюдом является строганина, которую едят даже летом, замораживая рыбу в погребах: вкуснее всего бывает струженным озерный чир, но стружат также и всякую другую рыбу за неимением его — вплоть до сельдятки. Преимущественная еда — «щерба», т.е. вареная в пресной воде рыба (чир, омуль, муксун). Соли вообще употребляется немного, хотя казна доставляет ее в достаточном количестве (4 коп. фунт); приправ никаких не употребляют, о горчице говорят, что «она вонькая», перец и уксус (кстати, здесь и то и другое очень редки) пускают в ход больше как лекарство — «от сердцевой боли» (по большей части — солитер). Жарят рыбу неохотно, хотя в каждом хозяйстве имеются запасы рыбьего жира,

Рис. 28. Муксун!

который необходим не только для кухни, но и для освещения — в «лейках», т.е. плосках (обычно снимают жир летом с собачьих котлов). Иногда рыбу просто пекут цельной, положив около угольев, и едят её без соли — так, вероятно, пекли рыбу еще апостолы.

Соленья и маринадов не знают совершенно и рыбу заготавливают впрок лишь в виде юколы, борчи и вёрки.

Юкола готовится преимущественно из омуля, но из чира лучше. Очищенную и распластанную рыбу часто надрезают поперек и вешают на солнце; в зависимости от погоды, она вялится 1–3–4 дня, после чего ее вешают над камельком урасы в дым, где она коптится несколько дней — юкола готова! Это самое распространенное здесь к чаю блюдо, но подают её не каждому гостю.

На *борчу* идут копченые костяные остовы с мясом, остающиеся при изготовлении юколы, также вяленая сельдь. Все это мелко толкут и мнут в деревянной ступе и хранят в сумах из налиమ్ей кожи или в деревянных флягах (в них прежде привозили сюда спирт) в виде сухой волокнистой каши.

Вёрка — это та же борча, проваренная, сверх того, в рыбьем жиру.

Приготавливают также «пирожейники» — пироги из рыбы, но пироги с хлебным тестом могут делать только богачи. Вместо них, изготавливают «топтанники» — пережаренные пупки с рыбьей кожей, закатанные в рыбное тесто; эти «топтанники» имеют вид наших пирогов с начинкой, с тою лишь

разницей, что в них и начинка и тесто изготовлены из одного материала — рыбы; круглые лепешки из мятой рыбы (сельдьятки) называются — «тельно́».

Рис. 29. Возвращение с неводьбы

Из мороженой и мятой икры (лучше всего икра пельдьятки) готовят оладьи, барба́ны (толстые лепешки), блины большие и тонкие во всю сковороду; — тесто из икры внешним видом нисколько не отличается от нашего хлебного теста, а что касается рыбьего жира, на котором изготавливаются все эти яства, то он ничего не имеет общего с тем, что известно под этим именем

у нас и является предметом ужаса для малокровных (топленый жир из печени трески): здешний рыбий жир не имеет запаха, вкусом почти не отличается от топленого русского масла, а прекрасный топленый жир озерного чира, застывающий в комнатной температуре, даже внешним видом нисколько не отличается от густого желтоватого чухонского масла.

В блины и барба́н подбавляют иногда безвкусные сладковатые корни «мака́рши», отчего тесто немного темнеет. «Мака́рша» — единственное растение, которое здесь едят, если не считать щавеля, который ребяташки жарят летом в рыбьем жиру. Ягод здесь нет — морошка и «дикуша» очень редки. Также жарят сельдьжьи пупки с вареной и толченой мака́ршей — называется это блюдо «мака́ршиный кавардак». Приходилось раньше читать, будто за неимением зелени полярные жители употребляют в пищу различные суррогаты её в достаточном количестве (вроде побегов и свежих почек тальника). По отношению к индигирцам это неверно — их пища исключительно животная, за вычетом одного, быть может, чая.

Хлеб здесь очень редок, его привозят купцы из Усть-Янска и с Аллаихи и продают по 1 рублю 1 фунт. Хлеб печь не умеют, да и печей русских здесь нет на *всей* Индигирке (сверху донизу, т.е. верст на 900...) — имеются лишь две русских печи в Аллаихе — у местного священника и одной якутки, вывезшей искусство хлебопечения из Якутска. Вообще же мука идет лишь на оладьи и пироги — больше ничего из нее стряпать не умеют. Впрочем, есть еще одно местное блюдо из неё: жареную в рыбьем жире муку заливают чаем, особенно употребителен этот напиток (как очень питательный) в дороге — называется «пережар». Ржаную муку «мутовят» в щербе — «бутугас». — «Провиант» (мука) не всегда легко достать и за деньги — вообще это роскошь, которую не все себе позволяют. Кусочек хлеба, сухарь, сушка или пряник подаются к чаю, как конфеты. Все, связанное с хлебом и земледелием, для индигирцев — область

Рис. 30. Настороженная песцовая пасть на берегу моря

загадок. При мне один объяснял другому — «русское зерно, говорят, на нашу икру похоже». О сахаре убеждены, что он готовится из собачьих и человеческих костей. Благодаря дороговизне сахар тоже не в употреблении — его подают лишь гостям, причем всякий пьющий чай с сахаром, уходя домой, прячет оставшийся кусочек в карман. Любят пить чай с анисом и

гвоздикой; брали у меня даже лавровый лист для чая. Пустой чай не пьют никогда — при нём всегда бывает какое-нибудь добавление: строганина, юкола, борча. Лет тридцать тому назад чай имели здесь далеко не все — он был редок: один кирпич хватал семье на целое лето. Чай заменяли поджаренным на сковороде «бордогноном», «шкиля́ми», «брусницей», которые заваривали в воде, а то и просто пили горячую воду.

Что касается икры, то её хотя и сберегают мороженой для барба́нов и блинов, но нарочно редко копят в большом количестве. Обычно её едят свежей, но я видел, как целое ведро уже кислой икры накопили собакам (конечно, могли при желании сохранить её свежей).

Всякое мясо (оно бывает редким гостем) только варят. Любят кости; когда я убил на тундре оленя и отдал его своим спутникам, они к моему удивлению, лучшие места (грудинку и задние ноги) зарыли в землю для собак, а себе взяли «костки». С февраля до весны ловят в силках куропаток (2–3 в день), весной — турухтанов «пленками» (петлями на токовищах); во время прилета птиц бьют всякую

Рис. 31. Спущенная песцовая пасть

мелочь — всё это варят. Едят даже гагар, но чайками брезгают. Из птиц всего больше бывает ленного гуся, иногда попадает ледяная. Гуся большею частью едят кислым (из добытых летом на гусевании) против кислотности вообще ничего не имеют, некоторые даже её предпочитают свежей еде. Во время гусевания один упорно укладывал в свою плетушку прокисшую рыбу, взятую ещё из дома, пока её не забросили — от неё уже пахло на целую сажень, — «кислая — твердая, — уверял он, — свежая — жидкая». На пасху староста прислал мне в подарок пирог из хлебного теста... с протухшей рыбой.

Из жирных гусей (и гагар) крошат «каварда́к», т.е. режут мясо на мелкие кусочки и жарят на огне в собственном соку. Иногда на сковороде жарят в рыбьем жиру «селянку» из оленя.

Деликатесом, кроме оленьего языка, считается сырой мозг из оленьих ног; вкус оленьего мозга напоминает лучшее сливочное масло, особенно хорош мороженный мозг. Сырыми грызут также гусиные лапки, сухожилия оленя, а из только что пойманной трепещущей рыбы вырезают лентой жирный горб, который и съедают без всяких приготовлений, даже без соли. Лакомством считается мороженная налимя печень — «макса».

Рис. 32 По гуси: ветка

Насколько могу судить, питаются индигирцы хорошо, и, быть может, этим объясняется отсутствие у них серьезных заболеваний. О цинге здесь никогда не было слышно. Правда, встречаются катары и солитеры, но в этом уж повинны они сами. Главной причиной желудочных заболеваний является, конечно, строганина, которая вообще преобладает над всякой другой едой. Кроме того, что она,

действительно, вкусна, она не требует решительно никаких приготовлений. Часто, проголодавшись в дороге, путник останавливает «прудилом» нарту, достает из-под сиденья сельдяток, бросает десяток-другой собакам, сам садится на нарту и с не меньшим, чем его четвероногие товарищи, аппетитом стружит ту же сельдятку для себя, уписывая ее без всяких приправ. Пообедав таким образом, на что уходит каких-нибудь 10–15 минут, он с новыми силами мчится дальше по необозримой гладкой тундре.

Только небрежностью можно объяснить то, что не у всех есть хорошие погреба, — интересно, что вверху (Ожогоино, Похвальное) и вовсе погребов не имеют. Вырубленные в мерзлой земле погреба не всегда бывают хороши (если в земле нет прослоек льда), набивать же погреба льдом — до этого они не додумались (например, в погребе моего хозяина летом было только $-0,5^{\circ}\text{C}$). Летом рыбу зарывают прямо в землю — даже не мерзлую, где она, конечно, киснет.

Кухня — в полном распоряжении баб и ребятишек: гигиена в ней отсутствует совершенно. Посуда грязная, готовится еда небрежно — сплошь и рядом собаки вылизывают оставленные на земле тарелки. Нередко, прежде чем налить гостю чаю, хозяйка его чашку облизывает языком и, уже «вымыв» так, обтирает ее полотенцем. Вилки редки, мясо едят по-якутски,

обрезывая куски возле самых губ ножом. Едят в общем много: утром пьют чай и закусывают («паужин»), днем обедают, сейчас же после обеда чай, третий чай вечером — «вечерний чай» — тоже с едой, на ночь ужин. Предпочтение отдают всему жирному — сухое мясо и рыбу почти не считают едой. Индигирка избаловала их — рыба здесь прекрасная, даже осенний икряный муксун настолько жирен, что бульон из него на другой день превращается в желе.

VI. Общественная жизнь

Управа — «казенный дом» — находится в Русском Устье. Там же живут — мещанский староста и писарь (бывший уголовный ссыльный, приписавшийся к обществу — один из двух грамотеев общества; другой живет в Похвальном). Староста и старшина выбираются обществом на три года, выборы посылаются в Якутск на утверждение, которое приходит через 1-1½ года; поэтому всегда имеются два старосты и два старшины — старые и новые. Писарь вольнонаемный — с жалованьем от общества. Почти каждый год наезжает начальство — заседатель из Булуна или исправник из Верхоянска; последний, впрочем, бывает раз в 3-4 года. Эти краткие наезды администрации имеют чисто внешнее значение — общество управляется совершенно самостоятельно. Вся связь с государственностью выражается во взносе податей, с одной стороны, доставке соли, иногда волоса и конопля — с другой (за деньги, конечно; хлеб перестали высылать). Тяжбы и столкновения разбираются своим судом — старостой, высшей инстанцией является общее собрание. В Русском Устье имеется даже «каталажка» (правда, в полуразрушенном состоянии), куда сажают провинившихся.

Дела — ссоры, мелкая покура (например, из пастей); при преступнике сидит сторож — вместе пьют в «каталажке» чай, а так как острог этот большею частью бывает неисправен, то наказанный сидит в доме сторожа. В год таких случаев бывает один-два. Более серьезных преступлений в обществе не бывает.

Три раза в году бывают собрания: в первых числах февраля, первых числах мая и около Николина дня в декабре. Обсуждают общественные дела, раскладывают подати, казенные подводы, устанавливают сроки для объезда пастей, обсуждают условия промысла (весной — на лето), делят соль, выдают рыбу из запасного рыбного магазина по заявлению голодающих и пр., и пр. В

Рис. 33. Лагерь гусников на Долгой виске в 50 верстах к северу от Русского устья

Рис. 34. На Долгой виске: чаюют

жизни общества и мещан вообще собрания — время наибольшего оживления. Только здесь встречаются все разбросанные в течение года по разным уголкам общественники. Поэтому во время таких съездов вершатся самые разнообразные дела. Закупают чай и табак, заключают всякие сделки, расплачиваются за долги. Дела вершатся общественные, торговые,

личные и семейные, так как несомненно при этих съездах высматривают женихов и невест — вероятно, именно поэтому нередко приезжают с бабами. Улица в это время очень оживлена — вокруг каждого дома звездами привязаны нарты с собаками; то и дело попадаются мохнатые фигуры приезжих с развевающимися шарфами ярких цветов (последний крик местной моды). В домах в это время бывает великая «битва» и «распублика» — все они переполнены приезжими (останавливаются большей частью у «родников»), днем с шестка не сходит чайник, хозяин то и дело бегаёт в амбар, ночью пол в плотную устлан телами. Хозяева жмутся и разрываются на части.

Эти съезды русско-устинцам очень разорительны — надо кормить гостей и их собак (мало кто берет с собой корм), а кормить 5–10 нарт в течение 3–5 дней — не шутка. Разоряются, но не ропщут — «сам суди — вера у нас такая».

Другой важный момент в общественной жизни мещан — приезд священника. Обычно он приезжает один раз в году — перед Пасхой, — когда раньше, когда позже, в значительной степени в зависимости от того, когда он окончательно убедится, что спирт, выписываемый в небольшом количестве обществом из Якутска, дошел до Русского Устья. В этом (1912) году священник приехал из Аллаихи в Русское Устье в середине марта постом (ездил из Русского в Станчик, где тоже имеется часовенка). Все необходимые требы исполняются разом — крещение, венчание (несмотря на пост), отпевание. Так как мещане — народ все в высшей степени религиозный, то работы священнику много; отовсюду съезжаются постники с семьями; говеют ежегодно. Священник еле успевает исполнять требы, и мне несколько раз доносили, что он засыпал и падал в церкви от охмеления. Общество уплачивает ему за общественные молебны и другие требы рыбой.

Кроме этих случаев, индигирцы встречаются очень редко. Иногда возят зимой баб в гости, для женского персонала говенье и «гощенье» — единственная возможность встречи. Мужики встречаются чаще, но тоже редко — если того требует промысел (добыча рыбы, гусевание, песцование); круг общественных впечатлений индигирца поэтому очень ограничен.

Наезды администрации не слишком часты. Далеко не каждый год приезжает на Индигирку исправник из Верхоянска, несколько чаще его бывает полицейский заседатель из Булуна на Лене (от Верхоянска и Булуна до Индигирки нужно считать приблизительно 1500–2000 вер.). Обычно дальше Аллаихи начальство не спускается, опасаясь частых внизу пург.

Нужно знать тоскливую жизнь севера и связанную с этим у северянина жадность к новостям, чтобы понять, каким чрезвычайным событием в глазах индигирцев является приезд администрации. Я присутствовал при приезде верхоянского исправника в якутский поселок Аллаиху в октябре 1912 года. Весь вечер в день приезда улица оглашалась дикими криками

Рис. 35. Лагерь гусников на берегу моря - Ярок

якутов, которые бурно выражали свои чувства. Наутро я уже знал все подробности об исправнике: как он одет, когда встал что кому сказал — обо всем мне добросовестно доложил мещанин, прибежавший на спех из казенного дома, от которого он старался не отходить. В Аллаихе исправник пробыл несколько дней; приезд начальства имеет в сущности отношение только к вопросу о доставке на Индигирку в запасные магазины ржаной муки и соли; мещанское общество муки из казны не получает вовсе, так как задолжало за прежние годы (в определенной надежде на «манифесты») и высылку им «провианта» казна прекратила — исключение сделано для 1913 года, так как этой осенью улов рыбы на Индигирке был исключительно плох. Вообще же муку эти годы казна доставляет только якутам. «Делами», конечно, нельзя назвать ту массу мелких жалоб, споров и зачастую кляуз, которыми якуты и мещане засыпают исправника и по которым последнему приходится выносить тут же на месте соломоново решение. Эти наезды администрации вообще необъяснимы. Мыслимо ли одному человеку разобраться в условиях жизни и делах округа, который размерами своими значительно превосходит Францию, возможно ли даже понять что-либо из местных нужд при скоропалительных объездах, когда на местах приходится останавливаться на один — два дня? Что мог видеть и понять губернатор, «обозревая» в 1909 году «вверенную ему область», когда, примчавшись из Верхоянска через Абый в Колымск, из Колымска в Аллаиху, отдохнув несколько часов в последней и умчавшись дальше в Усть-Янск, где провел день, он снова вернулся через Верхоянск в Якутск, сделав в 1½–2 месяца, почти без всяких остановок, около 8.000 верст? И нет ничего удивительного, что в Усть-Янске, не разобрав второпях просьбы

явившихся к нему с поклоном якутов, он *простил* им недоимки рыбой, которую они должны были внести в *свой общественный* запасный магазин и своей милостью жестоко наказал все общество. Об этом анекдоте и до сих пор рассказывают со смехом в Усть-Янске... А между тем эти наезды администрации (фактически совершенно бесполезные) обходятся местному населению недешево. Прогонов начальство не платит, улусы доставляют оленей (мещане — собак) и ямщиков на свой счет. Тому, например, улусу, в котором находится Аллаиха, проезд исправника обошелся в 1912 году в 200 рублей. Но это — лишь часть расходов. О приезде исправника Аллаиха была оповещена из Усть-Янска за две недели, и все это время его ждали со дня на день; собранные наспех олени были расставлены по поварням, расположенным по казенному тракту в нежилых местах — все эти две недели люди и олени измучились: у людей скоро кончилась провизия, для оленей не было поблизости кормовищ. Из округи наскоро были созваны в Аллаиху староста, мещане, якутские и юкагирские князцы — все на целых 2–3 недели были оторваны от своих промыслов. Приезд начальства для местного населения суцая невзгода. но эту невзгду все переносят безропотно, так как в этом глухом углу к начальству привыкли относиться без критики. Особенно жестоко приходится жителям при проездах губернатора (к счастью, губернатор «осматривал» область только один раз) и архиереев — из усердия они загоняют оленей до смерти, и по дороге приходится то и дело бросать пропавших оленей и впрягать в нарты запасных.

Рис. 36. Станция гусников - среди лайд и байдаранов - на Крестовой лопатке у Ледовитого океана

VII. Характер. Нравы. Обычаи

Живя в Русском Устье, я читал «Историю России» Соловьева и при этом чтении не мог отделаться от впечатления, что основные черты характера русского населения XII–XIV вв. удивительно совпадают с характером моих теперешних сограждан. Особенно разительным казалось мне это сходство, когда Соловьев дает характеристику русского населения центральной области в период возникновения и усиления Москвы — та же расчетливая осторожность, боязнь риска и широких планов, цепкое пристрастие к старине и традициям дедов, нелюбовь новизны. Русско-устинец будет примеривать десять раз, прежде чем отрезать, к каждому предприятию готовится исподволь и потихоньку, убедить же его в чем-нибудь незнакомом и новом — дело

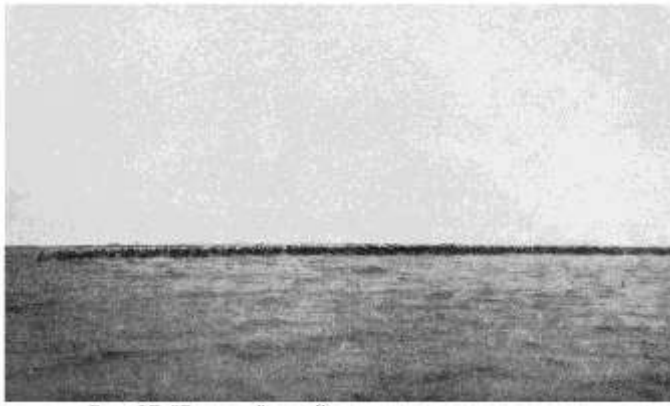

Рис. 37. "Держат" гусей, окружив стаю на ветках

безнадежное: так, например, напрасны были мои старания убедить их завести общественную лавку, в которой они могли бы получать товары вдвое дешевле против того, что платят теперь за них «приказчикам» — каждый из них соглашался с моими доводами, но никто не решился взять на себя

инициативу поднять этот вопрос на собрании. Такой же неудачей кончилось мое предложение устроить им сбыт добываемых песцов непосредственно в Якутске на летней ярмарке, минуя цепкие руки местных купцов, которые именно этой скупкой пушнины на местах сколачивают свои состояния. — Удержав в своем характере осторожность, расчетливость, привязанность к дедовским традициям, русско-устинцы утратили, однако, те черты, которые, как мне кажется, являются противовесом в национальном характере русского и создают его устойчивость — мягкое добродушие и юмор. Хитрость и мелкая расчетливость у русско-устинца не спрятаны за славянским добродушием — очевидно, суровая жизнь стерла и вытравила из их характера ту мягкость и мечтательность, которые дают русскому в глазах других такую привлекательность.

Первобытная простота жизни, конечно, не могла не отразиться на характере русско-устинцев. Всего ярче это сказывается в гостеприимстве, которым север вообще славится. Прокорм гостей и их собак в каждом хозяйстве здесь — статья не малая. Всего больше терпят от этого жители Русского Устья, где бывают «собрания» — но все же на судьбу свою не жалуются.

Ходя к соседям в гости, я никак не мог отучить их от того, чтобы они не хлопотали с угощением. Раз как-то, когда я вздумал отказаться от чая, хозяйка-старуха с некоторым даже раздражением заметила: — «Гаже тебя люди приходят, еда со стола не сходит — кушайте на здоровье (низкий поклон), а то я худо буду думать». — Хороший тон требовал выпить несколько чашек чая, которые неизбежно сопровождалось пряниками или строганиной, оладьями и пр. Отказаться от этого угощения — значит обидеть хозяев. Желание гостя тут совершенно не принималось во внимание, и если из одной избы надо было идти в другую, то

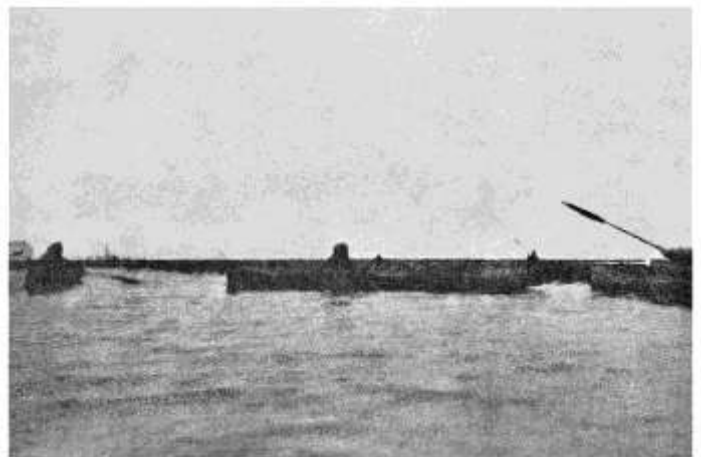

Рис. 38. Загоняют гусей

Желание гостя тут совершенно не принималось во внимание, и если из одной избы надо было идти в другую, то

приходилось очень тяжело. Этот обычай, конечно, и меня обязывал не отпускать гостей без угощения, на что уходило очень много времени и труда.

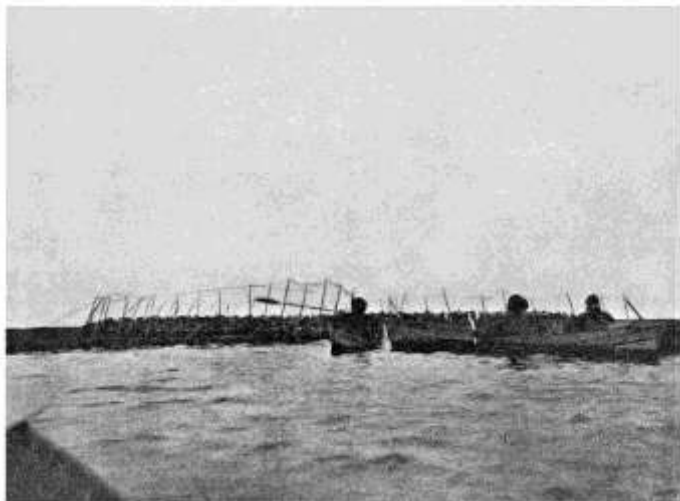

Рис. 39. Впускают гусей

о чем-то с женой и вынес мне с поклоном двух великолепных чиров — и был, вероятно, очень удивлен, а может быть даже обижен, когда я его презента не принял. Начальство и купцы приучили их к этому — каждую просьбу они сопровождают каким-нибудь подарком (лапки песца, рыбу, яйца). Эти подношения часто ставили меня в тупик, так как отказ нередко принимался за обиду. Но я сомневаюсь, носили бы они мне эти подарки, если бы считали меня не таким «ученым» и «богатым», — да и, кроме того, в обмене услуг и благ вряд ли они в итоге оставались в ущербе...

Льстить русско-устинцы умеют очень тонко — они особенно любили говорить, как плакали и убивались по мне их ребятишки, когда я на целый месяц ушел к морю по гуси, также при известии о моем отъезде. Во время таких речей ребята молча сидели тут же и не протестовали, но при всем желании на их физиономиях нельзя было прочесть ничего, кроме любопытства.

Элементарная честность, к моему удивлению, оказалась не на той высоте, как я думал здесь встретить в связи с патриархальностью их жизни. Так, сына моего хозяина, мальчика 14–15 лет, я поймал на мелком неоднократном воровстве (сахар, хлеб) — даже со взломом, — мать знала об этом и хотя предупреждала его, что «дядюшка будет сердиться», но добычу его пускала в свой

Рис. 40. Впускают гусей

хозяйственный оборот, чего, конечно, не мог не замечать и её муж. Правда, на лето все смело оставляют (хотя и под замками) во время кочевки свое добро в покинутых домах и амбарах, и случаев пропажи не бывает, но все же воровство

Рис. 41. Гуси пойманы

песцов из пастей случается почти ежедневно, а потому, во избежание «греха», принято для осмотра ловушек ездить одновременно. Кое за кем такие грехи числятся — грешил в молодости этим даже теперешний староста. Два-три раза в году, случается, таких преступников сажают на несколько дней в общественную «караулку», но чаще ограничиваются взысканием

стоимости песка с похитителя в пользу потерпевшего. Встречаются случаи обмана и мелкого мошенничества, что мне пришлось испытать и на себе. Прямодушием и чистосердечием русско-устинцы не блещут и кривые пути часто предпочитают прямым.

Так, в течение всей весны я напрасно искал всюду нарту для поездки к морю, где в это время выходит из берлоги белый медведь, предлагал при этом хорошую плату: одни отговаривались незнанием места, другие неимением корма, что, впрочем, не мешало им самим в это время разъезжать всюду. Позднее выяснилось, что меня мещане в Русском Устье «запирали» сознательно, руководствуясь при этом присланной им обо мне бумагой губернатора. На гусевание летом мне удалось пойти только после того, как я оставил старосте род завещания (по решению собрания, на которое я был вызван), что в случае моей смерти на воде всякая ответственность со старосты и общества снимается; при этом мещане наивно уверяли меня, что такую бумагу они просят, заботясь обо мне (?!), а вовсе не из боязни ответить за мою смерть перед начальством.

Попрошайничество — нередко. Приходит парнишка: «маменька заказывала — не оскорбитесь...» затем следует просьба дать «провианта» или чая, хлеба, сахара. Ненужные мне подношения в виде рыбы обязывали меня, в свою очередь, такие просьбы удовлетворять. Мелочные, неприятные черты характера индигирца выступили для меня с особенной яркостью после того, как я завел знакомство с юкагирами. Юкагиры прямодушны, чужды мелочности и лести, в их характере есть первобытное благородство, почти рыцарское. Русско-устинец, с которым я впервые приехал к юкагирам в гости, давал мне практические советы: «будут давать тебе песцов, языки оленьи — ты, смотри, не отказывайся, все бери».

При отъезде моём из Русского Устья многие церемонии были отброшены в сторону, всякий старался извлечь из меня возможно большую пользу, сохраняя в речи льстивые фразы и добрые пожелания. Эти проводы оставили в памяти

горький осадок, как будто я был прислан в Русское Устье начальством для извлечения из меня индигирцами всякой выгоды.

Рис. 42. Убивают гусей

О легкости местных нравов, в собственном смысле, мне передавали ещё в Усть-Янске. Редкая здешняя девушка до замужества не бывает в связи и почти неизбежно приносит мужу вместе с приданым и своих ребят. Явление это настолько распространенное, что ничего зазорного в нем не видят. Сплошь и рядом дети до брака бывают от

будущего мужа, которому потом приходится возиться с усыновлением.

Часто при расспросах приходилось слышать ответ: «ведь у меня отца не было — я девий». Таких «девьих» или «девкиных» довольно много среди мещан. Родители к связям своих дочерей относятся очень снисходительно и даже благосклонно, если эта связь сулит им материальные выгоды. Про одну русско-устинскую девушку мне рассказывали, что она жила в Верхоянске у доктора — «он её вместо жены держал», причем это было сказано таким тоном, будто «жить вместо жены» самое обычное, естественное занятие женщины, вроде, например, печения пирогов.

Однажды совершенно неожиданно я был поставлен в очень неловкое положение. Как-то пришел ко мне староста со «всепокорнейшей просьбой» высватать своему сыну («девьему») дочь моего соседа старика. Не желая обидеть отказом, я скрепя сердце согласился на щекотливую роль, но в сватовстве потерпел неудачу. «Скажи старосте, — с раздражением заявила тетка «невесты» — не хотим, мол, его греха покрывать». Сын старосты, оказывается, давно жил с одной девушкой, от которой имел уже троих ребят, но на которой не мог жениться по свойству, существовавшему между ними. Для старосты эта связь его сына была невыгодна, т.к. сын тайком таскал много всякого добра из отцовского амбара в дом своей возлюбленной, и староста усиленно старался женить его на ком-нибудь. Нередко ищут и находят невест в Колыме, иногда, но редко, рождаются с якутами и юкагирами. Иностранческие черты лица у русских индигирцев встречаются часто, но некоторые сохранили тип чисто русский. Так, когда я ехал в Русское Устье и за полуторамесячный путь присмотрелся к якутам, меня приятно удивила в Бородине одна женщина с русыми волосами, голубыми глазами и правильными чертами лица¹.

¹ После утомительной и надоедливой езды «по якутам» приезжего вообще приятно удивляет обстановка живущих по Индигирке русских мещан: рубленые избы вместо якутских землянок, чисто подметенный пол, прибранный шесток, светлые окна (последние, впрочем, не должны быть *слишком* велики: «большие окна в избе рубить — по нашему как будто стыдно»).

Состав мещанского Общества не меняется: на Индигирке рождаются, живут, на Индигирке и умирают. Из мещан дальше Казачьего никто не живет (да и там их 1–2 человека) из пришлых никто к обществу не приписывается, да их, впрочем, и нет. Уголовных ссыльных перестали присылать в эти края лет 15–20 тому назад, а с ними прекратился и приток «новых людей».

Рис. 43. Убивают гусей

Перебирая бумаги старого архива (с 1823 г.), я находил одни и те же фамилии: Чихачевы, Шкулевы, Шелоховские, Шелкановы, Киселевы, Кочевщиковы, Стрюковы, Голыжинские... Каждая фамилия представляет из себя как бы отдельный род — как прямые, так и побочные («девы») линии: Чихачевщина, Киселевские и т.д., и члены их с гордостью говорят о

своей принадлежности к ним. Многие, конечно, перероднились, но всё же родовая связь сохранилась, что выражается в некоторой сплоченности и взаимном заступничестве между собой «родников». При встречах и при прощанье родственники обычно целуются, то же бывает при поздравлении с праздником. Дети из уважения к взрослым здороваются с ними поцелуем, подавать им руку не полагается. Старшие братья помыкают младшими, и те повинуются им беспрекословно — ссор между ними мне никогда не приходилось наблюдать. Между прочим, интересен здешний обычай называть старшего брата «батей», — именно он, «батьа», после отца считается главой семьи и её представителем. На собраниях обычно присутствует и принимает участие в обсуждении дел только глава дома — ни взрослые дети, ни взрослые братья туда не ходят. Но, с другой стороны, благодаря тому, что дети (особенно мальчики) очень рано становятся работниками и помощниками, в характере их рано вырабатываются черты самостоятельности. Восьми-десяти лет мальчики уже собирают и «грудят» дрова, «колупают» их топором, на 2–3 собаках ездят даже за ними по близости на тундру. В 12–13 лет это уже работник, которого нередко сторонние просят помочь неводить. В этом возрасте их уже возят по ловушкам и берут на гусевание, где они заведуют кухней и чайниками, за что им отчисляется полная. Лет 15–16 мальчик становится полноправным работником, который сам вмешивается в разговоры взрослых и подает советы, — и я никогда не слыхал, чтобы такого советчика окрикнули. «Я человек — за людьми», — с важностью похвалился такой 15-летний парень, и никто не усмехнулся.

На обычаях индигирцев, конечно, не могло не отразиться их соседство с инородцами, и прежде всего с якутами. По какому бы нужному для него делу ни пришел русско-устинец, он никогда первый не начнет разговора. Сколько раз я старался выдержать характер и вызвать пришедшего на разговор первого, это почти никогда мне не удавалось. Гость молча и внимательно следит за всеми моими движениями. Это молчаливое наблюдение обычно раздражало меня, и я первый нарушал молчание. Что скажешь? — Ответ всегда был один: «Ничего». Такого начала требовали вежливость и хороший тон, что всецело заимствовано у якутов. После этого уже начинался настоящий разговор. «Я к тебе, дядюшка, пришел». В чем дело? — Следовала просьба о лекарстве, или, оказывается, его послали ко мне попросить гвоздей и проч.

Рис. 44. Загон дал 2398 гусей

Все, конечно, очень любопытны. В первое время по приезде их любопытство очень мне досаждало. Мое появление в Русском Устье было для них событием чрезвычайным. У них бывали проездом «экспедиторские», приезжал из Верхоянска доктор, изредка наезжали купцы, но все это были гости случайные, мимолетные — никто до сих пор не приезжал «из другого мира» жить с ними. А я был, именно, таким выходцем из другого мира. В первые дни дверь моей юрты хлопала поминутно, и гости с жадным любопытством следили за тем, как я вынимал из ящичков одну незнакомую вещь за другой. Весть о каждой новинке быстро облетала все избы. Наибольший эффект произвела керосиновая лампа — первая в Русском Устье. — «Достал, — рассказывали наблюдатели, — чайник какой-то блестящий и на него стеклянную тарелку надел» — жестяная лампа со стеклянным абажуром). Но что это такое было, они не знали, а спросить не смели. Вечером разнеслась новая весть: «Зажег! зажег!» — и долго еще потом ко мне ходили посмотреть нарочно на лампу (даже приезжали по соседству) и спрашивали, «что это в ней горит?» Лампа эта произвела такое впечатление на умы индигирцев, что, я уверен, с неё будут считать здесь начало новой эры.

Десятки глаз, иногда незаметно для меня, внимательно за мной следили. О каждой убитой мною куропатке или зайце было известно не только в Русском Устье, но и далеко за пределами его. — Ты когда захворала? — «А вот, дядюшка, ты в этот день еще ушкана убил». — Что я ем, как кормлю свою собаку — обо всём этом знали в подробностях. Мои слова, разговоры передавались из уст в уста.

Рис. 45. Пушат гусей

Я возвращался летом с гусевания и заехал отдохнуть к одному мещанину. Промокший и продрогший, я прилег, напившись чая, на «уруне» вздремнуть. В урасу зашла соседка, и я услышал свой собственный разговор, переданный ей хозяйкою с точностью фонографа. Воображаю, сколько разговоров обо мне было у меня за спиной! Не даром один мещанин говорил мне, что они считают меня самым большим начальством — «ну, просто как царь, право», — кроме лесты, здесь было и

немного правды. — «А ты был в том городе, где царь живет?» спросил меня один мещанин. Когда я ему сказал, что не только был в этом городе, но и видел царя, он посмотрел на меня с удивлением. «Царь» — здесь лицо мифическое, и слово это звучит здесь почти так же, как в старинных наивных сказках.

Один мещанин, оставшись недоволен распоряжением старосты по его адресу, что уже одно показалось другим почти преступлением, в подтверждение своего «бунта» заявил в сердцах: «Хоть сам царь мне это приказывай, не согласен». На него посмотрели с ужасом, и потом его слова переходили из уст в уста, как слова безумца. Интересно, что царского имени, как я уже сказал раньше, мне *никто* не мог назвать.

Кстати: как человек, местный староста пользуется не важной репутацией, но, как выборное начальство, власть его в глазах общества неограниченна и критике не подлежит. В более ответственных случаях он опирается на авторитет нескольких мещан, из более солидных и независимых — но этот «боярский совет» не столько ограничивает его власть, сколько подкрепляет её.

Вывоз спирта на север запрещен, что, конечно, не мешает купцам Верхоянска, Казачьего и Колымы иметь его более чем в достаточном количестве. Купцы провозят спирт тайком, но эта тайна известна всем и начальству прежде всего; в торговом обороте северных купцов спирт нередко играет бóльшую роль, чем деньги, так как страсть инородцев к вину здесь почти болезненна. На Индигирке, впрочем, спирта бывает меньше, чем в других местах. Мещанское общество выписывает в складчину для себя 1½–2 ведра в год и, по получении, делит по числу участников. Угостить гостя водкой считается высшей честью. Из пришедшей со мной бумаги мещане знали о существовании у меня спирта, и то обстоятельство, что я никого никогда им не угощал, вероятно, оставило в их душах немалую горечь. Но лишь один раз об

этом намекнул мне староста. Когда же при отъезде я подрядил юкагиrow вывезти меня с вещами из Русского Устья и скрепил этот договор стаканом вина, мещане начали на меня коситься сильнее, а некоторые выехали за 20–40 верст к кочевьям юкагиrow, через которые я ехал, встречать меня, несомненно надеясь на то, что при этом я угощу их у юкагиrow водкой.

В карты играют все поголовно — от мала до велика — и играют с большим азартом; играют даже между собой ребяташки, играют бабы. Игры: «козел», «стуколка», «бури», «парус» и др. (в Аллаихе уже «преферат»). Выигрыш и проигрыш в бюджете каждого статья немаловажная; при мне во время гусеванья один за две недели проиграл 60 рублей. Играют на деньги, на песцов, на рыбу, на гусей. Хотя и считается большим грехом играть во время промысла,

но на гусевании всё же играли сутками, пропуская удобное для промысла время. Случаются за картами ссоры, бывают затяжные долги, ведущие к недоразумениям вплоть до разбирательства дела старостой. Особенно много и часто играют во время съездов и собраний, переходя из одной избы в другую. Некоторые держат карты (например, подростки,

Рис. 46. Гусиный вай. Первый загон дал 450 гусей.

которых в игру со взрослыми не принимают) и ссужают ими игроков, за что получают за одну игру 2–3 рубля — смотря по свежести карт: по-видимому, с этой целью даются, например, подросткам карты родителями, когда идут на промысел — это своего рода подсобный заработок. Для индигирцев карты несомненно страсть разорительная, и мне называли нескольких, которые на картах «промотали свое хозяйство». В сущности, карты здесь единственное развлечение, к которому охотно прибегают в здешней полной борьбе за существование жизни.

Грамотных среди мещан нет, несмотря на то, что «школа» существует в Русском Устье уже несколько десятков лет; бесплодность школьных занятий объясняется прежде всего непониманием того, какое значение может иметь грамота. Учителем при школе состоит единственный во всем обществе грамотей — бывший уголовный ссыльный, он писарь. Занимается он преподаванием лишь в те редкие часы, когда имеет к тому расположение и досуг. Я предлагал русско-устинцам свои услуги, но они отнеслись к этому предложению очень холодно, и лишь один мещанин после моих настояний прислал мне сынишку, но и то перед самым моим отъездом. Незадолго до

Рис. 47. Среди гусников - на обратном пути

моего приезда Русское Устье посетил «ревизор», осматривавший церковно-приходские школы на всем севере — он роздал каждому ученику по карандашу и, проэкзаменовав их, нашел, что «они знают достаточно для того жалованья, которое получает учитель» — ребята кое-как знали буквы, а некоторые с грехом пополам умели складывать наиболее

простые слоги; обычно и эти «знания» скоро улечиваются, как только ребяташки подрастут и сделаются настоящими работниками — здесь уж не время заниматься такими глупостями, как грамота. Произведя скоропалительный экзамен и наградив каждого ученика карандашом, ревизор, все-таки, успел сделать с группы собранных учеников фотографический снимок, каковой, вероятно, в нужном месте отчета явится *наглядным* доказательством существования и, быть может, даже процветания школы в Русском Устье. В Усть-Янске тот же ревизор нашел лишь следы существовавшей когда-то школы, так что даже снимка не удалось сделать. И это — всё.

Любознательностью русско-устинцы не отличаются,— напрасны были все мои усилия заинтересовать их рассказами о чудесах русской жизни — о телефонах и телеграфах, о железных дорогах и аэропланах, — они слушали мои рассказы с удивлением, но без интереса и никогда к ним не возвращались. Так же неудачны были мои попытки заинтересовать их историей последних лет. Они слышали что-то смутно о манифесте, о Думе, но смысла этих слухов не понимали и не интересовались им. Слово «забаставка» дошло и до них. Даже на словах никто не обнаружил желаний расстаться с Индигиркой и посмотреть чужие края, о которых они слышали столько удивительного. — «Куда мы, такие чертыханы, поедem»... Только один собеседник пожалел, что «Русь» находится далеко и ему никогда не удастся взглянуть на нее, но и тот был... обрусевший юкагир.

Очень скоро для меня стало ясно, что я, как пришлец из другого мира, утратил для них всякий интерес, но зато они очень оценили возможность получить у меня лекарство, раздобыть проволоку, гвозди, кое-какой инструмент и вообще что-либо полезное для хозяйства. Разговаривать приходилось поэтому исключительно о предметах, имеющих самое непосредственное отношение к жизни.

Рис. 48. Возвращение домой с промысла

Их интересы были строго ограничены: еда, карты, промысел и собаки — за пределы этого их мир почти никогда не выходит. Когда встречаются, два индигирца, первыми вопросами всегда бывают вопросы о промысле. Позднее и я привык начинать с этого всякий разговор. Совершенно неисчерпаемой темой их разговоров являются

собаки. На сотни верст кругом они знают всех собак, их клички, их свойства, генеалогию, достоинства и пороки, знают каждую собаку в «лицо». Нередко зимние вечера они проводят целиком за горячими спорами о достоинстве своих собак, обсуждают их качества обстоятельно, во всех деталях, страстно. Разговор о собаках индигирцу никогда не наскучит, сколько бы он ни продолжался.

Часто приходилось раньше читать о тоске и однообразии жизни на севере, которыми многие объясняли существование некоторых характерных для севера болезней, например, цинги и менериков¹. Насколько я мог наблюдать жизнь индигирцев, в ней совершенно отсутствует эта специфическая тоска; жизнь ведут индигирцы, в связи с промыслом, подвижную и разнообразную, дающую им массу разнородных впечатлений. Быть может, этим (кроме здорового и сытного питания) объясняется совершенное отсутствие здесь цинги; что же касается менериков, то они встречаются лишь среди тех индигирцев, в жилах которых течет колымская кровь (колымские казаки сильно перероднились с якутами, а среди последних менерячество распространено очень сильно; интересно, что, например, среди чукчей менериков совсем нет).

¹ Мерячение – (якутск. мэнэрик – делать странности) - состояние, характеризующееся подражанием словам, жестам и действиям окружающих, неудержимым желанием исполнить их приказы, а так же другими проявлениями. Иногда носит массовый характер. Наблюдалось в начале 20 века как в среде аборигенов Сибири, так и среди проживавшего там русского населения.

Жизнь в полярных странах вообще принято изображать каким-то тоскливым прозябанием — вечная ночь, освещаемая лишь северным сиянием, и в этой ночи жалкое существование среди морозов и сна влачат несчастные жалкие люди. Прежде всего следует сказать, что круглой

Рис. 49. Собрание мещан Верхоянского мещанского общества

ночи на Индигирке вообще нет, правда, с середины ноября до Крещенья солнце сходит с горизонта, но даже в самое темное и глухое время «полярной ночи» день, правда, сумеречный — в Русском Устье продолжается 2–3 часа. Зато летом целых 3 месяца солнце светит и день и ночь, что, кажется, особенной тоски не должно вызывать. Жалкого же впечатления индигирцы совсем не производят — их жизнь, правда, дика и бедна, но у неё есть своя физиономия, и мир индигирца по-своему разнообразен и самостоятелен. Да это и не могло бы быть иначе там, где жизнь приходится отстаивать упорным напряжением сил, почти вырывать ее из рук суровой природы.

Вообще, вспоминая в Русском Устье, как обычно у нас представляют тоску жизни на дальнем севере, я каждый раз смеялся и до сих пор остаюсь при убеждении, что фантазии эти являются исключительно привилегией романистов¹.

VIII. Верования

Религиозный мир индигирца — это почти фантастическая смесь христианских и языческих верований и представлений. Приняв, как все славяне, обряды христианства, он сохранил душу язычника. Все внешние, формальные требования православия исполняются им строго и добросовестно, но мне не удалось подметить ни одного случая, не удалось услышать хотя бы одной фразы, откуда можно бы было догадаться о признании им моральной ценности христианства. Хорошие и дурные поступки никогда не расценивались с религиозной точки зрения.

Говеет индигирец каждый год, для этого раз в году приезжает в Русское Устье из Аллаихи священник: исповедует, причащает, крестит, венчает,

¹ В Русском Устье мне пришлось прочитать произведение популярной английской романистки Marie Corelli: «Thelma» — из норвежской жизни, «роман отменно длинный, длинный, и поучительный, и чинный». Быть может, на севере Норвегии (северная оконечность Норвегии Норд-Кап находится приблизительно на одной широте с Русским Устьем), действительно, существуют такая необыкновенно мрачная и таинственная полярная ночь и такая потрясающая симфония красок северного сияния, но на Индигирке, к сожалению, ничего подобного я наблюдать не мог и от всей души завидовал романистке. А не нужно забывать, что Русское Устье — за исключением одного лишь Норд-Капа — лежит севернее всех обитаемых в Европе и Азии пунктов.

отпевает; свадьбы, как уже сказано, бывают и постом. Все праздники очень строго соблюдаются, работать в эти дни большой грех (но играть в карты можно). В дорогу каждый берет образок и ладанку, которые и носит на груди, берут даже свечи, если знают, что праздник придется встречать в пути. Так, в день Серафима Саровского, который пришелся во время гусевания у моря, сын старосты достал из мешка маленькие две дощечки, связанные вместе, между которыми были положены восковые свечи, расправил их, повесил образок Серафима в палатке, затеплил перед ними свечу и вместе с другими гусниками долго перед ним крестился, потом все поздравили друг друга за руку с праздником, а родственники перецеловались. — «Вот видишь, как мы тебя празднуем, — почти с упреком в голосе обратился к образку старшина, — дай нам к вечеру хоть по 50 гуськов». — И так как работать в такой праздник грех, то все засели до самого вечера в карты, а день, как нарочно, выдался на редкость тихий и для гусевания благоприятный.

Утром и вечером вся семья обязательно крестится перед образами и шепчет молитвы. Когда я

Рис. 50. Гостиат

спрашивал у некоторых эти молитвы, они оказывались «Богородицей», «Достойно есть» и пр., но настолько исковерканными и изуродованными, что понять их смысл было невозможно. Отправляясь куда-нибудь далеко по ловушкам или за рыбой, возвращаясь домой, русско-устинец обязательно зайдет в часовню помолиться «Владычице» или «к родителям» — на могилку. Иногда носят на могилы ладан и жгут там свечи, это обязательно для всех в «родительскую».

Индиgirцы верят так, как веровали их деды и прадеды, как, быть может, веровало русское общество при Алексее Михайловиче, и всякое религиозное сомнение, конечно, показалось бы им безумием. И, как у далеких предков, их христианство перемешано с язычеством, их религия — с суевериями. Никаких противоречий в этом они не видят. Ведя трудную борьбу с природой, индиgirцы олицетворяют и обожествляют ее под именем «стихей». «Стихèя» — то та неуловимая и непонятная, могучая и большей частью грозная сила, которая по Божьей воле кормит индиgirца и из рук которой он должен почти вырывать свою жизнь. С нею трудно бороться и грешно идти против неё — её можно только умиловить. — «Сулим, значит, обещаем Богу или Владычице отслужить молебен, если даст нам рыбы или гусей, *стихею просим* — ведь от нее это зависит. Там нас Бог слышит, не слышит — заведение со старины такое.

Когда гусей промысляем, вся партия кладет гусей 200–300 отдельно в яму для Бога, потом кто-нибудь их купит, на эти деньги молебен и служим».

Грозна водяная «стихья», но её можно умиловить подарками. Когда мы переезжали на легких «ветках» через морскую губу (30 верст) и валы стали хлестать через борт и заливать наши утлые ладьи, мореплаватели начали бросать на волны заготовленные ранее подношенья — пёстрые лоскутья, ладан, «Божью просвиру», один беспечный парень, который раньше об этом не подумал, отрезал наспех от пояса кусочек ремня и тоже бросил его на волны. — «Матушка сине море! прекрати погоду! не дай погибнуть православным!»

Тундра больше благоволит к человеку — «она три года радуется, где человек останавливался, чай пил», — на этом месте между колышками подвешивают на нитках те же пестрые лоскутья — эти «жертвенники» я встречал по тундре нередко. К тундре обращаются тоже, как к живому существу — «матушка сэндуха!» («сэндуха» — общее название для тундры).

Когда в пути останавливаются отдохнуть — поесть и попить чаю, в огонь обязательно бросают кусочки еды или плещут чай — «чтобы все было благополучно»; обычай этот существует у якутов и, вероятно, от них перешел к русским.

Рис. 51. Гости

Олицетворение сил природы идет очень далеко. Во время гусевания у нас случился «айдан» (беспорядок, скандал) — ушли стреноженные кони. Юкагир Тута с Алешкой ушли за ними в погоню, рассчитывая вернуться к нам не раньше, как дня через три. Мы остались все в урсе, — пили чай; скоро по землянке забарабанил проливной дождь. Один из присутствующих пожалел ушедших. — «И — заметил старшина, — нешто он православный!» — Кто это? — с недоумением спросил я. — «Да дождь этот — до последней нитки промочит». — Дождь может быть православным и неправославным — нет ли в этом тоже отголоска олицетворения природы?

Я приехал в Русское Устье 20-го января и во всех избах и амбарах над дверями и в углах нашел намазанные углем или накопченные свечой крестики. После расспросов для меня выяснилось следующее: русско-устинцы верят в существование «шеликанов» (или «селиканов» — нечистая сила, домовые). Эти «шеликаны» — живые существа, роста маленького, «с кулачок», сами как люди. В крещение они выходят из прорубей (Иордань) и позднее снова туда возвращаются; могут забраться в избу; в амбарах благодаря им незаметно

кончаются припасы. Кресты ставят от них в канун Крещения; действительно также следующее средство: жженым колом обводят вокруг амбара или избы черту — эту операцию производит кто-нибудь оставшись наедине — кол стоит потом три дня против дверей для ограждения от шеликанов. — «Два года тому назад на реке у нас они девку утопили — заманили в прорубь». — Таков в Русском Устье «прилог» (предание, о шеликанах (между прочим — у *Маака* встречается слово *шелюканы* в значении нечистых духов).

Некоторые приметы и обычаи несомненно заимствованы у якутов, — например, следующие: умирали у Петруши дети; тогда называли мальчика (Иван) Мокачаном — по имени только что умершей собаки — «в собачье обернули». Именно так обманывают Злого Духа якуты, когда он приходит за человеком: «это, де, собака, а не человек». — У многих, кроме «святого имени», есть еще другое своё прозвище («Незнайка», «Мокачан», «Тастох», «Аляс») — как у якутов.

Множество примет связано, конечно, с промыслом. Так, до прохода льда нельзя готовить юколу — это значит портить рыбу. Осенью во время промысла озерных чиров ко мне пришел староста: «уж ты сделай милость, на сковородке теперь чира не жарь — сердится он, озеро от этого уросит (капризничает, колдует). А варить — вари сколько хочешь». — Озерный чир — рыба нежная; идти в озеро в обутках, выкрашенных ольхой — нельзя, — сердится оно; утопить в нем железо тоже нельзя — чир вовсе не будет тогда попадаться. — Случается, что вдруг начинает уросить ружье — попасть попадешь, а до смерти не убьешь; такое ружье надо положить под порог и заставить переступить через него больную женщину — ружье будет исправно.

В некоторых обстоятельствах работой можно накликать беду. Когда мы сидели на берегу моря и второй день ждали тихой погоды, которая позволила бы нам благополучно перебраться на утлых ветках через губу (30 верст шириною), Пронька — парнишка лет 15-ти — от нечего делать достал из своей сумы — волос (который индигирцы всюду возят с собой — он заменяет им развлечение и труд, в роде книги в пути) и начал сучить его для сетей, на него сурово прикрикнул «Губернатор» (старик, не пользовавшийся никаким авторитетом, жертва всегдашних насмешек), и Пронька с виноватым видом спрятал скорее свой волос: работа могла вызвать «погоду».

Рис. 52 Хозяева дноют

О пчеле («будунице» — медунице?) мне пришлось слышать такую легенду: «Будуницу грех убить. Когда Христос на кресте был, пришли воины добить Его — хотели копьем в сердце ударить, а на груди у Него в то время будуница сидела, они и подумали, что сердце у Него уже пронзенное. Пронзили бок Его, а будуница сердце защитила».

Среди мещан живет некто Гуськов, бывший уголовный ссыльный; лет 35 тому назад он был водворен в эти края на поселение, затем в правах восстановлен, приписан к обществу, здесь обжился и остался. Знание грамоты помогает ему обдeldывать тёмные дела, писать кляузы и обманывать. Был приказчиком, «сходил с ума», прикарманил деньги доверителя. Все знают его за шарлатана, но грамотность и знание «божественности» создают ему престиж, связанный с материальными благами, даже со стороны тех, кто за глаза его ругает. Он считается специалистом по части молитвы и отчитывания всяких болезней. Читает также над покойниками; при этом уверяет, что для этого ему необходимо столько-то фунтов муки, столько-то полотенец и столько-то аршин холста — «так у нас в России заведено» — ему беспрекословно всё дают. У старосты захворал сын, начал «блажить» (он — менерик). Пришли ко мне за «великими молитвами», — я их не знал, и снизу вызвали Гуськова. Он привез с собой «Книгу великих молитв» (оказавшуюся Псалтырем) и отчитывал по ней больного во все время его припадков. Когда я дал больному бром, он наставительно заметил старосте: «Порошки эти тоже от Бога, ты думаешь без Бога они помогут?» — и этим восстановил свой поколебленный было на мгновение авторитет. Молитвы совершенно, очевидно, не помогли, но тем не менее захворавший вскоре глазами брат старосты снова послал за Гуськовым. Я слышал, как Гуськова называли «формезоном» — полагая, что «формазон» нечто в роде особой веры; «формазоном» он и сам называл себя с важностью.

По дороге в Русское Устье и в самом Русском Устье я часто спрашивал о шаманах и всегда слышал ответ, что они давно все перевелись в этих краях. Это подтверждали и книги, и я уехал бы отсюда с уверенностью, что шаманов больше здесь нет, если бы не случай. Выйдя как-то вечером из своей юрты, я залюбовался северным сиянием, которое в этот вечер было особенно великолепным. Сидя на крыше и любуясь небом, я услышал среди ночной морозной тишины глухие удары бубна, звуки шли от дома старосты. Я знал, что у него болен сын, слышал утром, что сверху приехал какой-то якут, и догадался, что сейчас в избе старосты идет борьба между шаманом и Абааһы (Злой Дух). На другое утро я должен был пустить в ход целый ряд хитростей, чтобы узнать истину — догадка моя подтвердилась. Накануне я дал на ночь больному бром и пошел к старосте (который сам попросил меня помочь сыну) узнать, как он подействовал. Нарочно каждого из домашних спросил отдельно:

одни говорили, что порошок подействовал и больной хорошо спал, другие — что порошки никакого действия не оказали, третьи — что порошок даже вообще больному не давали... (В действительности же оказалась, что бром мой и не мог подействовать, так как всю ночь до рассвета над больным шаманил шаман — кричал и бил в бубен). Я заметил старосте, что надо выбрать между шаманом и лекарством, но пускать в ход то и другое вместе нельзя. — «У меня никто не шаманил — ответил староста, хотя шаман сидел здесь же в уголке — старый слепой якут, с длинными волосами, остроконечной седой бородкой и диким выражением лица. Когда соседи мои убедились, что скрывать от меня больше нечего, они стали откровеннее, и те самые, кто раньше все время в разговорах со мной отрицали существование шаманов, теперь рассказали мне о них много интересного. Шаманы, оказывается, существуют на Индигирке в достаточном количестве — есть у якутов, у юкагиров, у чукчей; я узнал в короткое время имена трех шаманов с их точным местожительством. Вера в

Рис. 53. Вáнюшка и Микúнюшка

них повсеместна и всеобща. Старик-сосед, очевидно, желая подладиться ко мне, отозвался о них насмешливо, но когда я его в упор спросил, верит ли он в них, он замолчал и потом серьезно сказал: «Разве уже очень бы захворал, позвал бы шамана». — Многие из моих пациентов одновременно с моим лечением потихоньку от меня пользовались у шаманов. Староста для излечения своего сына прибегнул сразу к трем

средствам; к заклинанию и камланью шамана, к «великим молитвам» Гуськова и к моим порошкам. Бывший у него шаман — старик Лазарько — три года тому назад ослеп — «ослепили враги в тундре, когда один остался» — и с тех пор на него «нашло». Выраженное мною желание увидеть камланье или хотя бы просто снять с Лазарька карточку сильно испугало и шамана и старосту — на другой день бубен и шаманский кафтан были вывезены из Русского сыном Лазарька. Десять дней гонялся я с фотографическим аппаратом за шаманом, соблазняя его всеми соблазнами, пока на его счастье не замерзли реки, и он поспешно уехал по первопутью. Шаманов тщательно скрывают от начальства и священников — какой-то священник на Индигирке лет 30 тому назад яростно их преследовал и ломал их бубны. Обещанию моему сохранить всё в секрете, очевидно, не верили. Нет, конечно, ничего удивительного в том, что никому неизвестно о существовании здесь шаманов — весть о них может дойти лишь через участников научных экспедиций, мимолетно и случайно проезжающих

через эти края, или через местную администрацию и священников, от которых население тщательно шаманов прячет. Я прожил среди поголовно верящего в шаманов населения вплотную девять месяцев, и лишь случай открыл мне их существование.

После обнаружения мною шамана староста очень долго при встречах со мною имел вид сконфуженный и виноватый, явно боясь, что о шаманском камланье в его избе станет известно начальству. Надо ли говорить, что староста сам очень религиозен, как и все здешние жители. Впрочем, и сам Лазарько ежегодно постится и говеет у аллахского священника. Последний знает хорошо о существовании шаманов и отзывается о них так: «который помогает, пусть шаманит, а вот обидно, если помочи нет». — Чего же надо еще?

Тот же Лазарько в свой приезд лечил брата старосты. На глаз его упало бельмо — обычно он «сгонял» бельмо нашатырем (!), соскабливая его ножом в больной глаз, но теперь это средство не помогало. Обратился к шаману. Шаман вывел его на двор, наставил на больной глаз медное кольцо (можно также деревяшку с выпавшим сучком) — и потом громко и неожиданно закричал: «Гу! гу!» — надо «испугать, согнать бельмо», чтобы больной вздрогнул. До трёх раз. Средство это, впрочем, не помогло — «огонь есть в глазу, он его (т.е. Злого Духа в шамане) не подпускает».

Почти легендарные рассказы существуют у русско-устинцев о «сендушных чукчах», которые почти приравниваются ими к нечистым духам. — Приходят эти сендушные

Рис. 54. Кешка и Алёшка

чукчи с Носа — так, тундряные они, без палаток, удачу показывают. Плохой, конечно, не придет — на отбор. Весь в ремень, как трубка, завитой. Приходит с луком, и стрелы костяные. Подкрадывается сзади, закричит сразу или захохочет — словно сэндуха раскололась, пугает: из стрел опасны лишь первая и последняя, а другие еле дундук прошибают — одну за другой все выпустит и побежит, а сам на лучок опирается. Но всего страшнее у него копье — пускает его на ремне в 10 сажень.

Под мышками пузырьки носит — с ними не мерзнет и в воде не тонет. Родит такого чукчу сэндуха, как траву. Любит коней гонять — не убивает, не ест, сесть, видно, боится, — так гонит и гонит по тундре, любуется. Ремни, где ни увидит, возьмет — ремнем они больше всего дорожат, ими обутки свои подшивают. В темные осенние ночи, когда бабы боятся на улицу выйти и сидят в юрте, пропадет иной раз возле дома что-нибудь из лопоти — пропадет, а дня

через три опять на старом месте, глядят, висит. Приезжает зимой чукча. «Здравствуй, подружка! А что ты меня осенью не видала?» Нет, говорит, не видала. — А я у тебя был. Пропадала у тебя тогда-то юбка или там кофта, а после через три дня ее опять нашла? — Сам смеется. — Это правда, пропадала. «Ну, это я брал, удачу показывал». — Досель старики наши, сказывают, таких чукчей сендушных убивали и прятали».

Мне рассказывали, что два таких «сендушных чукчи» появились летом 1912 г. около Станчика — эта весть вызвала немалую тревогу.

Старая быль, по-видимому, переплелась здесь с новыми небылицами.

С гусевания нас возвращалось семеро. По дороге, возле Крутой (в 20 вёрстах от моря), остановились и разбили палатки. Четверо ушли к озеру «гнать яр» в поисках за мамонтовой костью, я пошел стрелять оленей. Одного удалось убить. Когда мы втроем вдаль от лагеря были заняты пластаньем оленя, далеко на тундре с другой стороны, чем та, в которую ушли товарищи, показались четыре фигуры, очень быстро передвигавшиеся. Сначала мы было приняли их за своих, но они, идя к нам, вдруг повернули в сторону и стали быстро удаляться. Я хотел им крикнуть, предполагая, что они нас не заметили, что казалось невероятным, но мои два спутника меня остановили: «Кто их знает, что это за люди? — были бы настоящие, к нам бы подошли». — Я пошутил, что это, может быть, «сендушные чукчи», но шутка моя была встречена молчаливо. Все 4 фигуры скоро исчезли. На обратном пути, когда мы

Рис. 55. Русско-устинская красавица

тащили убитого оленя в лагерь, я напрасно спрашивал, кто же, они думают, это были, — мои спутники отмалчивались, и было ясно, что мое любопытство им было неприятно. — «Разве будет доброе, — проронил, наконец, один, — людей увидели и не подошли». — (Нужно сказать, что ближайшее жилие отсюда было верстах в 50-ти — во все другие стороны шла безграничная прибрежная тундра Ледовитого Океана). Позднее оказалось, что 4 таинственных фигуры были-таки наши товарищи, которые, конечно, хорошо нас видели, но не подошли, так как в свою очередь гнали след раненого ими из лука оленя.

IX. Особенности языка

В течение столетий речь индигирца подвергалась очень сложному влиянию, такое влияние оказывали якуты, колымчане с особенностями их речи, наконец, русские, поселившиеся издавна в Якутской области, которые также

выработали благодаря оторванности от России и Сибири свои особенности языка. Несмотря на это русско-устинцы сохранили в своем лексиконе слова и выражения, характерные исключительно для них; например, можно всегда узнать индигирца по следующим выражениям:

«ё, брат!» — грех, брат! — выражение боли, изумления, вообще сильного чувства¹.

«Кабыть» — как-нибудь, так себе. — «Как поживаешь?» — «Кабыть».

Слабость воздействия якутского языка на речь индигирцев и свои характерные особенности, быть может, наиболее интересное явление в быте индигирцев.

Знание якутского языка распространено вообще очень слабо; лишь очень немногие располагают ограниченным лексиконом якутских слов, с помощью коего они с грехом пополам объясняются с якутами и юкагирами. В этом отношении они очень резко отличаются от колымчан и усть-янцев, для которых якутский язык является таким же родным, как и русский. Русские усть-янцы и колымчане при встречах разговаривают между собой почти исключительно по-якутски; якутская речь является разговорным языком для всего севера. Хорошо знают якутский язык лишь те немногие мещане, которые живут в Аллаихе и выше по Индигирке; живя среди якутов, они объякутились не меньше усть-янцев; Аллаиха лежит в сущности уже за пределами того замкнутого мира, в котором живет русский индигирец.

Рис. 56. Мой ученик

Особенности русско-устинской речи прежде всего бросаются в глаза приезжим, мне рассказывали о них ещё в Якутске и Казачьем. Их хорошо сознают и сами русско-устинцы, над разговором которых часто смеются в Усть-Янске во время их приездов; эти особенности языка русско-устинцы отмечают сами в своих разговорах с посторонними — порой даже излишне часто: «*по-нашему* это так, а *по-вашему* это как будет?» — «У той девушки лицо-то стыднее будет». — Это что значит? — переспросил я. — «Ну, по-вашему сказать, морда-то похуже будет»,

Каждый индигирец живет, в сущности, среди очень узкого и ограниченного круга. За год он встретится с несколькими десятками, самое большее с сотней

¹ Одно из самых распространенных среди якутов области восклицаний: «ох-се!» или «ок-се!» — выражение удивления, боли и пр. — заменено в районе Индигирки восклицанием «анй, догор!» (собственно, аяы) — буквальный перевод: грех брат! — один из примеров русского воздействия индигирцев на якутов.

своих земляков, женщины же почти никогда не ездят дальше летовья; так, из русско-устинок *никто* не был, например, в Аллаихе (всего лишь в 120 верстах). Эта замкнутость объясняет очень многое. Только она, между прочим, дает понять крайнюю бедность лексикона и необычайно частую повторяемость выражений, что мне особенно бросилось в глаза, когда я прожил с русско-устинцами на гусевании вплотную три недели. То и дело раздававшиеся по всякому поводу восклицания: «грех, бра-а!», «ё, бра-а!», «да он это чего? дичает что-ли?», «это какая страсть?!» — наконец, начали меня раздражать.

Не зная колымской речи, я мог подметить у русско-устинцев только одно колымское слово — «мольчь» — очень. Ездившие в Казачье и Колыму, особенно в последнюю, считаются людьми бывалыми; свои знания они стараются показать: поют колымские песни, очень тягучие и унылые (во время гусевания я подслушал песенку о какой-то «чернобровке», но никак не мог добиться, чтоб мне её сказали), употребляют колымские выражения — «прикол» вместо «прудило» (в Усть-Янске — «каёр»), палка с железным наконечником, пускаемая в ход на собачьей нарте, как тормоз; собаками управляют колымскими окриками: «кр-р-ру!» — налево, «от-по!» — направо, вместо: «норах-норах!» и «тах-тах!» В этом употреблении колымских выражений вместо своих был особый шик, как особым шиком считалось также носить чукотскую одежду и обувь, — видел чукчей, значит человек бывалый.

Рис. 57. Наш лагерь на Худой Лайде - возле Зелёной

Якутские слова встречаются большею частью в промысле, так как промысел, по-видимому, был усвоен русскими у местного населения; то же надо сказать о собачьей упряжи. «Алгуй» (котел), «бадаран» (болото) — слова якутские. Якутского происхождения, по-видимому, также слово «тухтуй» — топор-колун. Но все же в лексиконе индигирца

якутских слов поразительно мало, что кажется приезжему, привыкшему всюду по области видеть на каждом шагу примеры якутского влияния на русских, большой странностью. Еще более, конечно, странным должен казаться тот факт, что живущие (уже несколькими поколениями) среди русских в Хатыстахе и Станчике несколько якутов настолько обрусели, что не понимают якутского языка. Вряд ли я ошибусь, если выскажу предположение, что явление это надо считать единственным для всей Якутской области.

Как ни слаба была связь индигирцев с «югом» (под «югом» я разумею здесь Якутск, Вилюйск, Верхоянск), его влияние сказывалось в языке — ведь не надо забывать, что оттуда шли все административные воздействия, как бы мало их

ни было. Я подметил среди индигирцев следующие слова и выражения, записанные Мааком в Вилюйском округе в 50-х годах и входившие, по-видимому, в тот лексикон, который был создан в Якутской области русской культурой за два века ее существования:

доспеть — достать, добыть, сделать.

— «Что с тобой доспелось?» — или: — «Надо бы тебе, брат, новую шапку доспеть»

щербà (у Маака — шерба̀) — рыбная похлебка

мангазэя — магазин, амбар

слушать — понимать

— «Якуты-то эти по-русски хорошо слушают»

осенèсь — осенью

упыль — утрус, мышеядь муки

провиант — мука

тута-ка, тамот-ка

— «Чукчи там есть? — Не-е, пустые тамот-ка юкагиры живут»

обутки — обувь

за̀боль (у Мака — взàболь) — правда (как существительное и как наречие).

— «Самую за̀боль говоришь!» — правда! правду говоришь!

много́ро — много

толковать — понимать

— «Ну, он этого не толкует» (русско-якутское слово)

мольчать — молчать

Интереснее и характернее те слова и выражения, которые мне пришлось слышать только на Индигирке. Для приезжего русского разговор между собой двух индигирцев будет не весь понятен. Приезжие русские купцы прямо жалуются, что не понимают русско-устинцев. Для меня потребовался некоторый навык, чтобы понимать их вполне. Кроме особенностей произношения, скрадывания звуков и недоговаривания, также кроме множества звуков, которые означают целые слова или вернее чувства (русско-устинец, например, в ответ на вопрос никогда не скажет «да» — он заменяет его каким-то почти английским звуком «э-э-э!»; колымского сюсюканья — с вместо ш и ж — и «цацканья» охотского жителя — ц вместо ч — у индигирцев никогда не услышишь), кроме этих особенностей, в их речи сохранились старинные русские слова, выражения и обороты, память о которых нами уже утрачена. Этих особенностей в обиходной речи индигирца сохранилось очень много, и я приведу лишь некоторые.

ась? — что?

ютить — хранить, охранять, сберегать

баять — говорить

морок — туман, ненастье
немѣлость — множество
прощай-то, погода — пока прощай
прилог — предание, обычай
кокбра — коряга
норки — нос
дундук — шуба, кухлянка
портянки — перчатки
лейка — плошка с рыбьим жиром для освещения
дивно — много.
— «А много в Абые жителей? — И-и, дивно!»
кóпотно — неясно (о погоде)
лóпоть — одежда, белье
бронь — обувь, в которой бродят по воде
сурметь — кожа коровья дымленая для обуви
трубочица — вьюшка (затыкать трубу)
буйница — отдушина
признака — метка, признак
сказка — рассказ
Божий олень — дикий олень
ординарно — обыкновенно (фр. ordinairement!)
гамза́ — трубка (курительная)
голк — шум, гул (о выстреле)
досельный, досель — прежний, прежде.
— «Досельные люди» — люди, жившие в старину
плавает (в горле) — мешает
пáтри — полки
ланскóй — прошлогодний.
— «С ланской поры»
лóнесь и лонéсь, лонéся — в прошлом году
чихотка — кашель
сэндуха — открытая тундра
éдома — горы
барантрати́ть — шуметь без толку, заводить ссоры, дразги
плавко — легко, скользко.
— «Весной плавко ехать»
ниша — десять верст
щербит — чешется.
— «Щербота́ высыпала» — т.е. сыпь показалась

кули́ть, кулика́ние — игра, состоящая в том, что круглую чурбашку палками гоняют от одного к другому
омáлить — уменьшить
распу́тница — распутица
за́все — всегда
шепетко́й — красивый
шитни́ца — швея, портниха
на припайке—на морском берегу
пахáть — мести, подметать
би́стер — течение
га́литься, гальба́ — издеваться, насмехаться, насмешка
лы́ва — лужа
лайда — просыхающее озеро
ви́ска — просыхающая протока
костёрка — стерлядь
ня́ша — речная грязь, ил
я́кша — грязь болотная
постига́ть — догонять
ноча́сь — минувшей ночью
дюка́ки — живущие в одном доме, месте (якутское слово?)
липо́к — бабочка
будуни́ца — пчела
и́нде — в другом месте
гу́бки — носок у чайника
ко́га — кочка
пе́стер — плетеная корзина
каварда́к — крошево из гусяного мяса
верётье — сухое место на тундре, поросшее тальником
попуститься — отказаться
бе́рдить — трусить, робеть
карга́ — коса на лайде или в море
кули́га — залив в море
курья́ — залив на реке с песком
махáло — крыло
мотырки́ — кончики крыльев ленного гуся
(идут как приманка для песцовых пастей)
мотыле́к — почки (у гуся)
балба́х — гусь, набитый мясом двух других гусей
ла́сно — как будто.
— «Ласно туман хочет придти»

да́ром — безразлично, все равно, напрасно.
— «Ты его бей — не бей, ему это даром»
хоёс — деревянная выгнутая лопата в виде весла для закапывания гусей в
бадаране
айдáн — беспорядок, суматоха, тревога
камлэя, камлейка — наружная кожаная рубашка
ужé — потом, после
шухúма — зря, без толку
выпаривать яйца — высиживать яйца
лэ́нда — лента
трóбка — пробка
тихóй — тихий
многó — много
червотория — обсерватория (метеорологическая будка)
несовершенный — несовершеннолетний.
— «Сын у меня еще несовершенный, в голове ветер»
кашэ́ль — кашель
дýко — неумело, неловко, нелепо.
— «Дико-то будет делать — сломаешь» — вырубать льдины для окон
модный — особенный.
— «Какая-то, брат, твоя ветка модная, все на одну сторону воротит»
тихими стопами — потихоньку
на прохóд — насквозь.
— «На Алексея (17 марта) заря с зарей на проход сходятся»
непереносно — невыносимо
сей год — в этом году
годом, годами — в разный год разнó.
— «Сельдятка у нас бывает годами»
пíжа — пыж
меледíть — медлить
комáрно — много комаров.
— «Комарный день»
сты́дко — стыдно.
— «Большие окна в избе по-нашему как будто сты́дко»
мужички, женки — самцы, самки
(о птицах и животных).
Слова́ «щербá» — рыбная похлебка и «пахать» — подметать — встречаются в
Вятской губернии: не привезли ли их в Русское Устье оттуда те индигирцы, о
которых ещё теперь сохранилось предание, что они вышли из Вятки? Но

откуда появилось слово «верверёт» — плис? Не приехало ли оно через Колыму из Америки? — по английски velvet — бархат¹.

Имена встречаются: Гринька, Никульчан, Микунька (Николай), Гавриленок (Николай Гаврилович), Сергунька, Егорша, Якутка (Яков), Микунюшка (Николай), Оля (Алеша). Вáнюшка (Иван), — женские попадают мудреные, например, Олимпиада, Лариса.

Календарь ведётся по заготовленной на целый год вперед палочке с зарубками (как у якутов), в днях редко ошибаются, хотя несколько раз справлялись у меня для проверки; путаницу вносят у них високосные года, которых они не знают; время исчисляют по большим праздникам — кроме двенадцатых, знают также «Митров день», Евдокии, Егорья, Царя (царя Константина), Михайлов день, Миколы и проч.

Ветра называются: южный (полдень) — «верховский», юго-западный — «шелбнник», западный — «запад», северо-западный — «худой» (холодный), северный — «сивер», северо-восточный — «холодный сток», восточный — «сток», юго-восточный — «обедник».

Приведу ещё некоторые из записанных мною выражений:

«Нет у нас такой веры» — нет у нас такого обычая.

«Ум да разум нужен, чтобы такую мелочь читать» — заглянув в лежащую передо мной книгу.

«Напились они там вина — поднялся у них бунт» (ссора).

«Глаза стыдятся» — боятся света.

«Человек-то он тугой — ну, скупой, скажем по-нашему, на деньгу по домашности, там пустяки какие купить для души, пряники либо сахару».

«Ведь у них, якутов, настоящей песни нету — так, самокладка».

«И совестно и стыдко, и Богу грех — жениться на близкой родне».

«Зáвсе в голове у меня шипит и шумит, шипит и шумит — это, бают, в можгү шипбта».

«Как девочка у меня потонула, так не могу на ветке через реку переезжать, сердце шевелится. Не будет ли у тебя каких порошков? Тоже вот рóза на руке выступает — в Колымске государственные меня от нея лечили».

«Голову мы правим — неладно спишь, так мозг на одну сторону переходит, голова пухнет. Бумажку тогда вокруг головы клеим и отчеркиваем против носа, против ушей и затылка, потом мерим. Которая сторона больше — ту шеркаем, трём — такое у нас досельное средство».

Самыми жестокими ругательствами у индигирцев, как у собачников, считаются: «собачья зараза», «собачья килá» (?), «кíлений»; совершенно

¹ Кстати: у русско-устинского старосты имеется ручная пила с американскими клеймами; из расспросов выяснилось, что она когда-то куплена была им в Н. Колымске от носовых чукчей.

недопустимым словом является «варнак» — обиженный уже жалуется на оскорбителя старосте.

Х. Песни

Старики уверяют, что раньше на Индигирке жили веселее. Собирались в зимние вечера, пели, плясали. Старых песен и «старини» или «були» (былины) знали, по-видимому, много, но теперь это знание почти утрачено. Из стариков остался в живых один Егор Голыжинский (в Косухине), песни которого в свое время здесь записывали «экспедиторские». Благодаря собственным ошибкам, а также трудности передвижения мне удалось собрать лишь ничтожное количество песен.

Пройдет еще несколько лет, и навеки будут утрачены песни и былины, сохранившиеся в этом далеком уголке среди неграмотных загадочных выходцев из России.

Рис. 58. Свадьба. Отец с матерью встречают молодых дома.

Все песни поются очень своеобразно — тягуче и проголосно. Ничего общего с якутским горловым пением они не имеют, также совершенно не похожи по манере пения и на те визгливые и разухабистые частушки, которые горланит современная русская деревня! Вначале кажутся лишенными всякого мотива, но певец за каждой песней строго

сохраняет свой характер пения. Многие слова искажены, других сами рапсоды¹ не понимают.

Песня раздается редко, случайно не приходилось подслушать почти ни разу. Помню лишь, как во время гусевания, когда гусей «держали» кольцом из веток на воде, кто-то затаил песню, чтобы чем-нибудь пугать птицу. Другой раз слышал колымскую песню о «чернобровке» в тоскливую дождливую погоду из палатки, где певец сидел, плетя от нечего делать сети.

С удивлением и радостью нашел здесь вариант песни о Стеньке Разине, записанной еще Пушкиным:

(«Во городе то было во Астрахани
Проявился детина, незнамой человек...»).

Песня, несомненно, сильно искажена, но склад и размер вполне совпадают с пушкинской записью.

¹ Рапсоды - профессиональные исполнители эпических, главным образом гомеровских поэм в классической Греции; странствующие певцы.

№ 1

Очутился млад дытинушка, незнамой человек,
Не знай Казанский, не знай Московский, не знай Астраханский,
Алый бархатный кафтан на могучих на плечах,
Прозументовый платочек за конец его тащил.
Он стохам офицерушкам челом не бьет,
Астраханскому губернатору под суд не идет.
— Еще завтра по утру мой батюшка будет,
— Ты умеи его встречать, да умеи ты его чёстывать.
Тожна его белы ручки опустилися,
И тожна его резвые ножки подломилися,
Его буйна голова с плеч покатилася,
Тожна то губернатору смерть случилася.

В местечке Ожогинском вверху Индигирки мне удалось записать несколько песен (со слов мещанина Адриана Баньщикова и его тещи старухи).

№ 2

Парень девушку уговаривал:
— Пойдем, девушка, в Казань городок,
Казань городочек прекрасно стоит.
— Чего врешь, молодчик, врешь-обманываешь меня,
Казань городочек на костях стоит,
Казань да речушка кровью протекла,
А мелкие ручеечки горячими слезьми,
По бережку камешки — буйные головы,
Буйныя головушки молодецкие
И все офицерские.

В песне этой слышатся отголоски времен Грозного.

Из далеких южных степей России занесена сюда казачья песня:

№ 3

Ай в Таганроде сочинилася беда,
Там убили таганродина,
Убили молодого казака
И хоронили при широкой долине.
И тут летели два ясные сокола
Сяли и пали у вдовушки во дворе.
— Встани, пробудися, ты вдова,
И Богу помолися, пониже поклонися,
Там убили твоего мужика
И хоронили при широкой долине
И умывали ключевой холодной водой,

Обтирали тонким, белым полотном.
Стала плакать и рыдать.
И своего бедного малютку обнимать.

№ 4

Не ходи, моя милая, берегом увалом,
Не люби, моя милая, женатого даром,
Ну женатый — распроклятый,
А холостой — голубчик,
Холостой глазам взводит,
Из ума меня выводит,
Черным бровем извивает,
На двор вызывает.
— Пойдем, душечка, со мною
По саду гулять,
Мне наскучило с одною
По саду бродити,
Дай расписку, с кем живешь. —
— Я расписку не даю,
С кем живу да не скажу.

№ 5. Плясовая

Как обедню зазвонят,
Наш идет в кабак монах,
Черну рясу пропивал
И шапку дает в заклад.
Целовальник не примат,
За шею его толкат.
— Я не иду в земляну келью,
Я пойду в зелену рощу.—
В роще девки травку рвали,
Монаха в глаза не видали,
Доходили до конца,
Увидели монашка.
Монах идет по тропе
На высоком сапоге.
— Сядьте, девки, во кружок,
Спойте песню в голосок.
Еще стал наш монашенка подплясывать,
Про житье-бытье свое стал рассказывать.
— Ой, не дай Боже, ребята, молодому старше быть.
И во келейке служить.—

№ 6. Плясовая

Натальюшка, Марьюшка,
Городская девушка,
Марья сватала, говорила
И послед (до последнего) любить велела.
— Ты люби, душа, Марья солнцу хороша,
— Всем я сердцем возлюбляла,
Всем народу объявляла,
Слышу, вижу про тебя
Нехорошие слова,
Наши ближние суседи
Меня опознали,
Отцу, матери сказали,
Я от той тоски-кручины
Не знаю, куда деться,
С любимым расстатися
Пойду в поле погуляю,
Свое горе размываю,
Я сорву и вырву цветок,
Совью милому венок,
Я к сердечечку прижму,
Сердечечком назову.

№ 7. Плясовая.

Вот про камарика да не спели,
Полетел наш комарочек,
Сял комарик на дубочек,
Сам головку под листочек,
Вот поднялася сюра — буря (молния)
И комарика сдула, сдула.
Вот про комарика мы спели,
А теперича и спать захотели.

№ 8

В двадцать пятом году
Пошла вдова по воду.
Ах ты, тихонькой Дунай,
Прокачай моих детей,
Ах ты, желтенький песок,
Пропитай моих детей,
Ах Дунай, Дунай, Дунай!
Громкой песней, соловей,

Не буди моих детей,
Ах Дунай
>По Дунаю по реке
Легка лодочка плывет
Ах Дунай
Два молодчика сидят,
Между собой говорят
Ах Дунай
Один книжечку читат,
Другой вдовушку пытал.
Ах Дунай
Другой вдовушку пытал,
— Я не вдовушка, не жена,
Я осталась сирота
Ах Дунай
Если осталась сирота,
Выйди замуж за меня
Ах Дунай
Пойду за-муж за тебя,
А за другого дочь отдам
Ах Дунай

№ 9. Плясовая

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла,
Она ростом невеличка,
Лицом круглоличка,
На лице румянец
За всегда играет.
За ней ходит, за ней бродит
Удалой молодчик.
— Зачем ходишь, зачем бродишь,
А ночью не ходишь. —
— Рад бы, душечка, ходить,
Да нечем тебя дарить,
Случай будет, поеду в город,
Привезу подарок,
Подарочек небольшой,
Кумач и китаек.
— Кумач я не хочу и китаечку не люблю,
А если ты, верно, меня любишь,

То мне купишь алого гризента
На две юбки, на две шубки, на две телогрейки
Из остаток, из обрезок
Сошью себе шляпу,
Стану шляпочку носить,
Стану милого любить. —

№ 10

Как пташки-канарейки так жалобно поют,
Разлука ты — разлука, чужая сторона.
Зачем нам разлучаться, зачем в разлуке жить,
А лучше повенчаться, вместе с тобой жнть,
Никто нас не разлучит, ни солнце, ни луна,
Только нас разлучит, одна сыра земля.
Чья рука писала, не знаю для кого,
Но строка та сказала, для сердца моего
Мой миленький дружок уехал далеко,
Мне теперь не видеть, не видеть никогда.
Несчастливая девица с печали умерла.
Высокая могила цветами обросла.

Следующие старинные «були» записаны мною со слов Киприана Рожина из
Осколкова.

№ 11. О двух братьях

Поехали два брата, два Волховича к солнышку — Владимиру,
У солнышка — Владимира на пиру были пьяны-веселы,
Кто хвастает своим богачеством, кто хвастает молодой женой.
А кто хвастает слугою верною.
Два брата ничем не хвастают.
Тут спроговорил солнышко Владимир князь:
— Уж почто, два брата, не хвастаете?
Тут встают два брата на ножки на резвыя,
Еще кланяются они понижешенько.
— Еще чем будем мы хвастати.
Еще есть у нас родна сестрица;
Свет по имени Софьюшка Волшебница,
Не перед свет свечей блат (млад?) светел месяц,
Не обогреет ее красно солнышко. —
Тут сидит со царем во рядом,
На том были на стулике на ременчатом,
Свет по имени Федор сын Колыщатой.

Встает он на ножки на резвья
На зелен сафьян сапожинки
На те белы чулочки пеньковые,
Еще кланяется он понижешенько.
— Уж то правда, два брата, пустым хвастаете,
Видел, видел я вашу сестрицу в рубашке без поясу.—
Еще в те поры два брата обстыдились.
Поехал Федор к Софьюшке Волшебнице,
— Уж тобой я, душичка, призахвастался. —
Тут спроговорит Софьюшка Волшебница:
— Уж таперича нам живым не быть. —
Тут разъехались два брата, два Волховича.
— Выходи ты, Федор, на красное крыльцо.
Тут спроговорит Софьюшка Волшебница,
—Хоть лежать тебе, доброму молодцу, не отлежатися,
Хоть сидеть тебе, доброму молодцу, не отсидетися.—
С душой Софьюшкой распростились.
Выходил Федор на красное крыльцо,
Еще подкололи два брата, два Волховича
На два копышка булатныя,
Еще в ту пору Софьюшка Волшебница подкололася
На два ножечка булатные,
Еще в те поры два брата прослезились,
— Уж не знали мы, сестрица, над тобой это случится,
То совокупили бы мы голубя с голубицею.—

№ 12. О Тите царе

Со во стой стороны, со низовною,
Со во стой стороны, с полуночною
Подымалася туча грязь великая —
Выезжает тут Тит, похваляется:
— Иерусалимскаго я царства выжгу, выпьяню,
Царя Тимофея в полон полоню,
Его Божьи церкви на дым пуцу,
Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу-княгиню за себя возьму,
Подо мной, под Титом, сорок царей,
Сорок царевичей, сорок королей, сорок королевичей,
Еще той мелкой сошки, ей счету нет.
На все на четыре дальни стороны
Отмечена сила по сту верст,

Еще сам вот я, Тит, Тита брата зверь. —
Собирает царь князей-боярей, думных сенаторей.
Еще едет Тит похваляется, говорит:
— Иерусалимского царства выжгу, выпалю,
Царя Тимофея, говорит, я в полон полоню,
Его божьи церкви на дым пушу,
Вдовьи, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу я княгиню за себя возьму,
Подо мной, под Титом, сорок царей,
Сорок царевичей, сорок королей, сорок королевичей,
Под всеми под ними по три тысячи людей,
Еще той мелкой сошки счету нет,
Отмечена силушка на все четыре дальни стороны по сту верст,
Еще сам вот я Тит, Тита брата зверь. —
От передняго стола до середняго,
От середняго стола до последнего
Ни от кого ни ответу, ни привету нет.
Из средняго стола пошел колесом
Свет по имени Данилюшко Игнатъевич,
Вставал он на ноженьки на резвья,
На зелен сафьян сапожинки,
Еще кланяется он понижешенько.
— Еще служил я царям-царевичам,
Служил я королям — королевичам,
Таперя я, Данилюшко, старым-старой девяноста лет,
Спасаюсь я, Данилюшко, в теплой келейке,
Еще в дале во дале во чистом поле
Еще есть-то там дуб кракитовый,
У того у дуба один отростель,
У меня, у Данилюшки, одна дитя,
Свет по имени Михайлушка Данильевич,
Молодым он молодой, лет двенадцати,
Кабы был Михайлушко лет шестнадцати,
Постоял бы Михайлушко за веру христианскую. —
Пошел Данилюшко в свою келейку:
— Наряжайся, мое дитячко, тебя царь зовет. —
Не знают меня ваши цари-царевичи,
Не знают ваши короли-королевичи. —
Еще стал Михайлушко наряжаться,
Еще стал Михайлушко вымыватися,

Пошел Михайлушко к своему царю,
Отворяет он вороточки на́ пята (настежь),
Еще клал Михайлушко поклон по-ученому,
Еще кланяется он по-писаному.
Тут спроговорит наш царь:
— Пстой, Михайлушко, за веру христианскую. —
Наливает ему чару полтора ведра.
Берет он чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Пошел Михайлушко в свою келейку,
Отворяет он ворота сильно-на́сильно,
Закрывает ворота крепко-накрепко,
Приходит Михайлушко в свою келейку.
Тут спроговорит Михайлушко своему отцу:
Уж зачем ты много рано хвастаешь? —
— Я ведь с пьяных дел, дитяtko, тобою призахвастался,
Ты бери моего военного коня,
Ты бери мою саблю вострую,
Ты коси-руби силушку до шести суток,
Шесть суток дойдут, поворачивай коня круто-на́круто,
Приезжай в свою теплу келейку. —
Поехал Михайлушко к силушке бессчетной,
Стал косить-рубить силушку бессчетную,
Вперед махнет — часты улички,
Назад махнет — переулочки,
Татар рубил, как лес клонил.
Шесть суток тому больше прошло,
Еще ранили Михайлушку крепко-накрепко.
Поворачивал коня круто-накруто,
Приезжает в свою теплу келейку.
Не стук застучал, братцы, во тереме,
Разбежался богатырский конь.
Выходит Данилюшко не дверями, не воротами,
Выходит Данилюшко каменной стеной,
Хватает Михайлушку на белы руки,
Понес Михайлушку в Божью церкву,
Кладет Михайлушку под святые образа,
Зажигает свечу воску яраго,
Сам не подвигает стремячко вальянское,
Садится прямо с полу на коня.

Поехал он, Данилюшко, во чисто поле,
Срывает он дуб кракитовый из кореня,
Поехал Данилюшко к силушке бессчетной.
Еще стал дубом крошить-рубить силушку бессчетную,
Татар изрубил, как лес клонил,
Самого Тита живком хватил
И привязывал он коню в торока.
Приезжает Данилюшко в свою келейку,
Пошел Данилюшко во Божью церкву —
Еще давно его дитяtko переставилось.
Пошел Данилюшко к своему царю, —
— Потухла свеча, говорит, воску яраго,
Померкло, говорит, наше красно солнышко,
Переставилось мое дитяtko. —
Кидался-бросался Данилюшко о кирпичевый мост,
Разбивался до смерти Данилюшко о кирпичевый мост.

Сказки

Еще в «Верхоянском сборнике» есть сказки, записанные Худяковым — вероятно, в начале 70-х годов — со слов одного русско-устинца. Несомненно, много сказок сохранилось в Русском Устье и теперь — сужу об этом по тому, что говорил мне парнишка, которого я учил грамоте — он уверял меня, что его тятя знает их много и некоторые мне пересказывал. Но ни его отца, ни других я не мог убедить эти сказки рассказать мне — они «совестились».

Услышать удалось только две сказки о птицах.

№ 13. О гагаре

— Досель это было. Говорит гагара ворону: «Ворон, попестри меня». — Начал ворон ее пестрить — пестрил-пестрил... Посмотрела гагара в воду: «Ой, какая я красивая! давай, ворон, я тебя попестрю». — Завязала ворону глаза и давай его мазать. Глядит ворон — весь как сажей замазан. Села гагара на воду, а ворон как ударит ее в хвост, так и стала она к хвосту приплюснутая.

Рис. 59. Семья Ивана Чихачёва

№ 14. О стеллеровой гаге

(Местное якутское название берганнях; у этой птицы окраска самцов очень пестра и красива, — самки, наоборот, окрашены в скромный буро-рыжий цвет, — «будто опалены»).

«Весной женка (самка) снаряжает мужичка (самца) в путь и уж так-то его украшает, украшает, что для себя ничего не останется, — накинет, что попало — и так летит».

XI. Обряды

Мне удалось гулять в Русском Устье на свадьбе. Свадьба была великим постом — во время приезда священника. Невеста была «девья», жених — со Станчика, — в силу каких-то родственных отношений праздновалась свадьба в доме старосты.

Сначала у родственников невесты был «девишник», на котором пели песни. Всего их полагается двенадцать.

При благословении невесты отцом и матерью (роль отца исполнял ее крестный, по имени которого она и величалась), поется «благословенная первая».

№ 15

Не стук стучит, братцы, во тереме,
Что не гром гремит во высоком,
Благословляется дочь у батюшки,
Благословляется дочь у родной матушки,
— Благословите меня по злат венец,
Благословите меня со суженым.

Закрыв от присутствующих невесту платком, который держат за концы, расплетают ей косу; в это время поют:

№ 16

Семена мои сахарные,
Уж к чему вы много уродились,
Уж немножечко вас я, млада, посеяла,
Как с первого поля до Киева.
До второго поля до Чернеева (Чернигова?).
Между этими двумя полями,
Между этими двумя широкими
Не бела лебедь в поле воскликкала,
Не черна сурна́ в поле возрыдала,
Тут расплакалась душа красна девица
По своей по русе косе,

По своей девьей красоте.
Час таперите русу косу не чесывать,
Золот кустик не приплетывать
Со Варварушкой серебряною
Со другою позолоченой.

№ 17

Брошу, брошу камешек во пламячко-огонь,
Ты гори, гори, камешек, перегори,
Разделися, камень, на четыре части.
Такое же ваше сердце каменное,
Отдадите меня во чужи люди в дальнюю сторону.
Тут бегают брат ко родной сестре.
— Ты не знаешь, наша больша́ сестра,
Отдают нашу сестру во чужи люди,
Во чужи люди, в дальнюю сторону. —
— Ты поедь, брат, во чисто поле,
Ты секи, брат, засеку с востоку до западу
Не пройти бы ему, не проехать,
Как моему суженому,
Как с теми было со свахами,
Как с теми было с похожанами,
Как с теми было с бояринами. —

Когда жених с дружками и тысяцким приезжает за невестой везти в церковь,
поют:

№ 18

На дворе, дворе, Ивановом дворе
Выростало кипарис древо.
Солеталися девять соколы,
Со десятой бел крыльчат сокол,
Соезжались девять боярэй,
Со десятой князь молодой.
Выходила его суженая,
Золотым кольцом обрученная,
Она мылась и белилася,
В чистом зеркальце смотрелася,
Резным гребешком чесалася.
— Еще этот ли есть бел крыльчат сокол,
Еще этот ли князь молодой,
Еще этот ли есть мой суженый,

Золотым кольцом обрученный.

Тысяцкий (он вообще играет большую роль — это первый «виновник свадьбы», поручитель жениха, расписывающийся в церковной книге, «архитриклин» — распорядитель брачного пира) выкупает невесту — невестин брат продает. Жених стоит под порогом, брат невесты сидит за столом. Тысяцкий кладет на блюдечко копейку и придвигает его к брату невесты. Брат: «я не за это поил-кормил» — отодвигает блюдечко; тысяцкий кладет ещё копейку — до трех раз. Потом берет невесту за руку, выводит к жениху.

В это время поют:

№ 19

Не вылетай, утка, из острова,
Не выпорхай перья из гнездичка,
Не выходи, наша душечка, из терему.
Зазрят, засмотрят свекор-батюшка,
Зазрят, засмотрят свекор-матушка,
Скоро ли запросят дороги дары,
Дары я шлю, сама к нему не иду.

Тысяцкий подносит невесте платье от жениха (идти под венец), зеркало, гребень.

№ 20

Стремянами конь бьет, воды не льет,
Удилами пошевеливает, золотой уздой побрякивает,
Коня плеточкой остегивает,
Со дорожки приворачивает
Ко своим ко белым шатрам
Ко своячнам, бояринам,
Ко своему ко красному крыльцу —
Выходила его суженая, золотым кольцом обрученная.

Невесту ведут из-за стола, садят на кровать.

№ 21

Катилось солнышко из-за лесу,
Шла наша душечка, шла наша Марья Киприановна (невеста) по зад
стола.
У нашей душечки, у нашей Киприановной
Сапожки высоки, сафьяны высоки,
Ножки ломит, ножки подгибает.

— Дайте мне коня, коня мне батюшкиного, —
Батюшкин конь не несет, не везет.
— Дайте мне коня, коня матушкиного. —
Матушкин конь не несет, не везет.
— Дайте мне коня, коня ладушкиного. —
Ладушкин конь понес и повез.

Рис. 60. Фёдоровское - ледники на Индигирке.
25 вёрст вниз по реке от Русского Устья.

Вся свадьба с поезжанами, дружками и свидетелями едет в церковь. Во время венчания на голове жениха и невесты кладут, вместо венцов, нательные кресты. После венчания в часовенке мальчик с иконой, молодой, молодая, тысяцкий и дружки садятся на нарту: на собаках алыки (упряжь) разукрашены, ремни обшиты

красным и зеленым сукном (излюбленные цвета на севере, как самые яркие). Нарта стрелой несется к дому старосты — в двух шагах от часовни. У дома молодых встречают с хлебом-солью, мать и отец — с иконой. Поют:

№ 22

Не были ветры, навеяли,
Не жданы гости, наехали,
Сокол летит, земля ютит.

Все входят в дом. Там столы сдвинуты вместе, на них пироги с рыбой, кучи вареной рыбы, оленье мясо и в центре, как на старинных боярских пирах, на блюде огромный зажаренный лебедь, окруженный рядом бутылок с водкой. Молодых сажают под иконы, в передний конец стола, рядом с ним почетные гости — батюшка, я, дьячок, писарь, — дальше за столами «простонародье». Тысяцкий и староста наперебой угощают, наливают вино. Перед молодой держат зеркало, закрывают её от присутствующих платком, молодой стыдливо отворачивается, и две женщины «крутят голову» молодой, т.е. убирают заплетенные на девичнике косы молодой под платок. В это время поют:

№ 23

«Семена мои сахарные», как на девичнике.

Во время брачного пира «опевают» молодых, тысяцкого, присутствующих гостей.

№ 24

Не скачен (скатен) жемчужинка по блюдечку прокатилася,
Свет душечка его Александра Петровна (жена тысяцкого)
Словечушко ему (тысяцкому) промолвила:
— Завтра у нашего Егора (молодого) будет свадьба,
Будет свадьба, будет беседа,
Соберутся тут певицы песни петь,
Не дари певиц ни рублями, ни полтинами,
Ты дари певиц золотой гривной». —

Тот, к кому относится это «опевание», должен бросать на блюдечку деньги.

Гости все были разодеты и разукрашены. Особенно интересными показались мне женские плисовые кацавейки, в роде старинных, — на песцовом белом меху с черно-белыми лежачими воротниками.

Кроме песен, были и *танцы*. Пляска — мало интересна: неуклюжий намек на «русскую» с платочком, причем пляшущий, притопывая, приглашает себе с поклонами в пару кого-нибудь из сидящих гостей. Была и «полька» — нечто в высшей степени комичное. Танцевал также молодой, но с таким серьезным видом, будто исполнял обязанность.

Танцы шли под «плясовую»:

№ 25

По мосту, мосточку, по калиновому,
Туда шел, пошел детинушка молоденький,
Молоденький, приуборненький,
На нем голевой кафтанец,
Сволки дуются, раздуваются,
Мать калиная рубашечка алеется,
На шейке-то платок.
Аленький цветок,
В карманнице другой,
Тальнинский голубой,
Во правой ручке тросточка камышевая.
На тросточке ленточка пофитовая.
Сам с тросточкой помахивает,
Пофитовой ленточкой похваляется
— Ах, ленточка ала, мне сударушка дала,
Дала, дала сударушка,
Пожаловала,
Пустила сухоту по моему животу,
Рассыпала печаль по моим ясным очам. —

Песни большею частью протяжны, «проголосны». Когда я уходил с пира, староста настоял проводить меня до дому (саженей двадцать). Напрасно я отказывался и уверял его, что совершенно трезв — «нельзя — это делается из уважения».

ХII. Список населенных мест по Индигирке

Быть может, будет не лишним дать в заключение список населенных мест по Индигирке.

Как уже неоднократно было упомянуто, верхоянские мещане живут с Ожогина по Индигирке вниз почти до самого моря, т.е. на протяжении почти 500 верст. В стороне от реки селений нет (как и вообще в этом крае). Верстах в 100–120 от моря Индигирка расходится тремя рукавами (Индигирка, Средняя, Колымская) — жильё имеется по всем этим трем падающим в море протокам. Границей верхоянского общества собственно нужно считать Шевелево (60 верст от Русского Устья кверху), т.к. с Аллаихи начинаются уже якутские места, и те немногочисленные мещане, которые живут между Аллаихой и Ожогиним, имеют больше связи и сношений с якутами и юкагирами, чем с мещанским обществом.

Рис. 61. Семья Василия Чихачёва в Фёдоровском

За исходный пункт я возьму Русское Устье, так как оно является для всех мещан центром не только административным, но и гражданским. Список составлен мною на основании личных расспросов (кстати: имевшаяся у меня географическая карта — неизвестного издания, с пометкой: «печатано в VIII—1909 г.» — по-видимому, лучшая из существующих, — очень неточна, кое-где прямо ошибочна и несомненно устарела, так как на ней указаны селения, теперь уже не существующие, например, селения Евдомка, Елонь, Колесово).

Русское Устье — 6 дымов: Иван Киселев — староста, Сергей Скопин — писарь (бывший уг. ссыльный), Николай Шелуховский, Тихон Чихачев, Иван Чихачев («Аляс»), Иван Шкулев («Мокачán»).

Вниз от Русского Устья

Стариково (15 верст от Р.У.) — 5 дымов: Иннокентий Чихачев, Константин Чихачев, Семен Чихачев, Николай Чихачев, Николай Гаврилович Чихачев («Гавриленок»).

Горлышко (20 в. от Р.У.) — 2 дыма: Александр Чихачев.

Кузьмичево (22 в. от Р.У.) — 1 дым: Егор Чихачев.

Шаманово (25 в. от Р.У.) — 1 дым: Яков (крестьянин Усть-янского крестьянского общества).

Орехино (28 в. от Р.У.) — 1 дым: Василий Чихачев.

Федоровское (30 в. от Р.У.) — 1 дым: Дмитрий Иванович (юкагир).

Осколково (40 в. от Р.У.) — 3 дыма: Киприян Рожин, Алексей Киселев, Лев (крестьянин).

Лобазное (46 в. от Р.У.) — 1 дым: Митрофан Чихачев.

Косухино (50 в. от Р.У. — до открытого моря 30 верст) — 6 дымов: Егор Голыжинский, Семен Голыжинский. Митрофан Голыжинский, Иван Шкулев («Губернатор»), Николай Шкулев, Семён Киселев.

На реке Средней — к востоку от главного русла Индигирки

Хатыста́х (20 в. от Р.У.) — 4 дыма: Семен Шкулев, Киприян Шкулев, Егор Шкулев, Петр Рожин.

Крутая (21 в. от Р.У.) — 3 дыма: Иван Шкулев, Николай Шкулев, Пётр Новгородов (якут).

На реке Колымской — к востоку от Средней

Лундино (36 в. от Р.У.) — 2 дыма: Петр Новгородов (якут), Галактион Суздалов.

Станчик (прежнее Станичниково, 50 в. от Р.У.) — 5 дымов: Григорий Кочевщиков, Вахрамей Кочевщиков, Настасья Новгородова (якутка), «Ушканчик» (якут), Егор Новгородов (якут).

Хабылино (15 в. вниз по Колымской от Станчика) — 1 юрта: людей нет.

Косово (86 в. от Станчика) — 2 дыма: Гаврило Портнягин (крестьянин), Яков Портнягин (крестьянин).

Рис. 62. Алексей Киселёв из Осколково

Яр (35 в. от Станчика) — 3 дыма: Иван Портнягин (крестьянин), Николай Рожин, Иван Рожин.

Колесово (50 в. от Станчика, 15 в. до открытого моря): людей нет.

Блудное (между Колесовым и Яром местечко) — людей тоже нет.

На Алазее (от Колесова 100 в. к востоку) — 1 дым: Иван Шелканов.

Вверх по Индигирке от Русского Устья

Бородино (30 в. от Р. У.) — 3 дыма: Алексей Черепин, Иван Черепин, Кохос («Гагара») — якут.

Шевелево (60 в. от Р.У.) — 6 дымов: Улита Терентьевна (якутка), Егор Голыжинский, Анна Шелканова, Лазарь (якут), Николай (якут), Пётр (якут).

Аллаиха (якутский поселок, в 120 в. от Р.У. и «маленьких» 60 в. от Шевелева); (около 10 дымов) мещан, живущих самостоятельным хозяйством, в Аллаихе совсем нет; лишь двое (Анна, «Мáстох») объякутившихся живут работниками.

Шанское (170 в. от Р.У.) — 1 дым.

Якутские юрты (210 в. от Р.У.) — 1 дым.

Эрча (260 в. от Р.У.) — 1 дым.

Похвальное (310 в. от Р. У.) — 1 дым: Николай Стрюков.

Ожогоино («Трапезник») (380 в. от Р. У.) — 1 дым: Адриан Банщиков.

Верхоянск, февраль 1913 г.

Впервые опубликован в журнале «Этнографическое обозрение»

№ 1-2, Год 25-й, Кн. ХСVI-ХСVII. 1913 год, стр. 110-235.